

-Н

у что, брат, давай за тебя! Вот ведь, чертяка, доехал-таки! Сидящие за столом мужчины

сдвинули наполовину наполненные стаканы, которые гулко звякнули, чуть качнув содержимым. Выпили залпом и на секунду умолкли, задумавшись каждый о своем. Затем, встрепенувшись, заговорили враз, один о том, как ждал, второй — как собирался, но жена не отпускала, так как сын разболелся... Посмотрели друг на друга и рассмеялись, столь нелепым выглядел этот диалог.

— Чего мы, ей-богу, как будто через пять минут разбежаться! Все, Славка, приехал я, как обещал. Погощу, пока не надо ем, либо до двадцатого. Поэтому давай без спешки поговорим, чё да кого. Расскажешь, что у вас здесь, на Камчатке, посмотреть можно, чтобы, так сказать, не зря летел да на перекладных ехал...

Гость, высокий, крепкий парень с короткой стрижкой, уселся удобнее за столом. Обстоятельно придвинул к себе тарелку в мелкий цветочек, водрузив на нее соленый огурец и расплывшись в обаятельной улыбке, которая никого не оставляла равнодушной, кивнул на бутылку:

— Наливай по второй, за встречу. Шутка ли, сколько не виделись, почти три года прошло. Во, время летит!

— Это для тебя там летит, а здесь, сам удивись, все по-другому, — передав стакан товарищу, ответил хозяин. — Давай, Бэл, за встречу!

Выпили, закусили, смачно хрустнув мелко нашинкованной квашеной капустой.

— Эх, хороша закуска! — весь вид Бэла выражал крайнюю степень удовольствия. — У хозяйки твоей, Слав, руки золотые!

Вячеслав, довольный оценкой, усмехнулся:

— Это что, сейчас я тебя пельмешами угощу. Варька так начинку замешивает — ум отъешь. Специально к твоему приезду лепили. Даже Маруся помогала, «счастливые» пельмени катала. А ты давай рассказывай, кого из пацанов видел, что слышал, дома как, на службе что нового?

— Да, Слав, нормально все, по-старому. А пельмени-то, поди, из медвежатины? Сколько их здесь, коль меня, начиная с аэропорта, страшать начали?

— Около сорока тысяч — вот и посуди, много их на эту территорию или мало. Но они на особом положении, отстрел запрещен, кроме крайних случаев. Правда, браконьеры шалят, без этого, сам понимаешь, никуда. А так — строго. Так что, медвежатина отменяется, — и хозяин, тяжело поднявшись из-за стола и слегка поморщившись, принялся наливать в кастрюлю воду, зажигать газ и, хлопая дверцами, искать в банках нужную приправу.

Гость, наблюдая за его нехитрыми манипуляциями, вздохнув, спросил:

— Беспокоит?

— Бывает. Правда, сейчас это не важно, не так важно, но за это позже. Лучше расскажи, не тебя ли засветили по телеку в репортаже, когда убийц гаишников в частном секторе хлопнули?

— Это да, прославился! И как вы только меня в маске все узнаете? Валерка да Димон аж позвонили, прослезились от подвига моего всенародного! Но, скажи, красиво зашел, с понтом под зонтом. Наклепал упырям толеранток в спину.

— Что есть, инет вон до сих пор качает. Я только понять не могу, как такое «семейное» видео в сеть уходит и почему ты впереди «забора» на штурме оказался?

— Так это не одно, а два! — Бэл усмехнулся. — Тебе с какого непонятнее? Про первое сразу скажу, вопрос риторический, ты же понимаешь, за подобной вкусняхой целая киностудия любителей и профессионалов охотится, это же материал-огонь! А потом за недорого в массы уходит. Ну, а второе... — парень понурил голову. — Понимаешь, высочайшее начальство медаль за подвиг только одну пообещало, ну меня жаба и толкнула в спину, а вернее, пнула чуть ниже. А дальше куда? Только вперед. Все-таки, есть такое ощущение, Сашка Матросов — дед мой, внебрачный... — И, не удержавшись, расплылся в улыбке.

Слава только хмыкнул, аккуратно опуская в воду пельмени, стараясь, чтобы брызги не летели во все стороны. Закончив и обернувшись, серьезно посмотрел на друга:

— Среди наших потери были? А то по ящику как-то непонятно выразились.

Улыбка Бэла вмиг потускнела.

— Серегу Свата — уже когда в дом зашли... Сразу. Не маялся.

— Свата... Черт! Как?

— Да там, Слав, что расскажешь? Когда раздолбили все, пошли за-

чищать. Бандюки уже оствовать начали, поэтому в последнюю комнату заходили с ним без паранойи. Ну, нет... Все, как положено, «крючком»: я налево, Сват направо, и он четко на свою пулю налетел. Баба там оказалась. Под кроватью пряталась, оттуда и шмалять начала. Две маслины в броню попали, а следующая в шею. В общем, там без вариантов получилось.

Слава подошел к столу, налил, поднял свой стакан, заглянул в него и, вздохнув, произнес:

— Давай, Бэл, за Свата, за Петьку пулеметчика, за Коляна, за Маринку... за всех наших...

Бэл поднялся следом, взял стакан и, молча чуть сплеснув на пол, залпом выпил. Потом посмотрел на товарища, кивнул в сторону дверей, приглашая выйти подышать свежим воздухом. Слава, прихрамывая, пошел через коридор к выходу. А во дворе небольшого дома навалилась на них черным низким звездным небом летняя ночь.

Сели на скамейку. Тут же из темноты бесшумно вышла большая дворняга и, помахивая хвостом, ткнулась мордой в крепкие ладони хозяина. Тот потрепал ее, и она, довольная, улеглась рядом, мгновенно задремав.

— Я смотрю, у тебя с фантазией все хорошо: барбоса Печенегом называть, — с умилением глядя на собаку, произнес Бэл.

— Ностальгия — страшная штука.

— Эт нормально. А хорошо у тебя здесь. Надо же, никогда бы не подумал, что ты на метеостанцию работать уедешь.

Слава качнул рано поседевшей головой:

— Сам бы не придумал, но Варвара уговорила. Ей с работы позвонили, сообщили, что есть вакансия на Камчатке. Хоть и вахтовый метод, но замены особо ждать не приходится — зарплаты-то копеечные, поэтому желающих на такую глушь не нашлось. Я ей вначале про то, что сдохнем здесь, одичаем, а она смеялась только — тебе, мол, не привыкать без цивилизации жить, попытка не пытка, да и Маруська пока маленькая, без садика легко обойдется. В общем, поехали и как-то приросли, уже два года разменяли. А места здесь — закачаешься, это ты по сумеркам доехал, а завтра рассветет — вот тогда держись, маму не потеряй.

— Ага, и маму, и папу потеряю, если завтра в окно мне медведь лапой постучит!

— Ну, за это ты не переживай, медведи здесь культурные, они в двери стучат. А ты ему скажи: «Уходи, Мишутка, не до тебя сейчас, с похмелья болею». И он уйдет. Что он, не человек, что ли?

— Видел я этих «человеков», когда на вахтовке ехали. Они же — как собаки у нас дома дорожку переходят. Я сначала подумал, что показалось недосыпа, на водилу глянул, а тот рулит, лыбится на мою вытянутую физиономию и спрашивает: «Ты их видел? Это матка с малышами». В общем, Слава, фигею я за вашу дачу!

— Фигей не фигей, а вот представляешь, вон там, в темноте, может, сидит бурый и смотрит на тебя с грустинкой, да лапой слюни утирает...

— Э-э-э, стоп разгону, с какой грустинкой? Ты еще скажи, с вожделением зыркает маслянистыми глазками! — запротестовал гость. — Не, точно, стоп! Что-то я походу надыхался, пойдем уже умопомрачительные пельмени есть, — и первым зашел в дом. Вячеслав, чуть помедлив, посмотрел в по-ночному глубокую темноту, улыбнулся и зашел следом.

Утром Бэл проснулся от того, что стало жарко и душно в небольшой гостевой комнатке. Посмотрел на тусклый свет, пробивающийся через занавески, затем на часы. Стрелки показывали около шести, но сон уже улетучился. Встал, оделся, сладко, до хруста потянулся и, стараясь не шуметь, пошел на кухню. Не спеша умылся, заварил кофе и, накинув на плечи полевку, вышел во двор. Дверь, чтобы не хлопнула, придержал и после того, как она плотно легла на место, обернулся, да так и замер с поднесенной ко рту дымящейся кружкой:

— Ох, ты ж, корзинка с апельсинкой! Это разве так бывает?!

Небольшой двор, который вчера тонул в темноте, находился на склоне горы, которая дальше довольно круто уходила вниз. А прямо напротив, белея снежными краями в предрассветных сумерках, четко вычерчивалась громадина скалистого хребта. Бэл не мог точно определить, что его так впечатлило — величие гор, снежный покров в такой близости, и это в июле, или суровая красота открывшегося пейзажа, когда один склон ломаной волной переходил в другой, занавешенный низкими медленными пушистыми облаками. Свинцовый свет восходящего солнца, пробивающийся сквозь тяжелые облака, на удивление, не делал это место унылым, он лишь подчеркивал всю четкость граней необыкновенного края. Бэл с огромным удовольствием вдохнул свежий, пахнущий тающим снегом и сырым камнем воздух и зажмурился, словно кот.

Дверь хлопнула. На крыльцо вышел Слава, сонный, но довольный видом обескураженно-довольного друга.

— Ну как? А ты все твердил, что красивее Кавказа мест нет. Интересно, что ты скажешь, когда живые вулканы увидишь, фумаролы, кратеры, вскрывшиеся реки, водопады... Про океан вообще молчу. После этого, я думаю, жизнь твоя изменится бесповоротно.

— Судя по тенденции, видимо, просто с ума сойду, — уже мало-мальски придя в себя и отхлебнув из кружки горячий кофе, расплылся в улыбке Бэл.

— Вон посмотри вправо, видишь, небольшое плато? Там не облако застряло, это малая долина гейзеров парит. Прогуляемся позднее, посмотришь, как это вживую выглядит, когда скала кипятком плюется. А у меня для тебя еще один сюрприз имеется.

— Как, всего один? Тогда все, я домой поехал!

Вячеслав указал вниз двора, где тоже подымался пар.

— Это наш личный горячий источник — бассейн, конечно, не уплываться, но посидеть погреться хватит. Кстати, ты сегодня не запекся в комнате?

— Было чутко. Чего это у вас централизованное отопление летом не отключают?

— Бери выше, — вытянув вперед крепкие руки, поиграв мышцами, произнес хозяин торжественным голосом. — Вот они, руки, лежащие на вентиле обогрева метеорологического царства! — И уже без шутовства добавил, объясняя: — Здесь все просто: горячий источник выше по склону бьет, часть потока мы на себя завернули, поэтому, когда прохладно становится, горячая вода через дом, по трубам идет, а если чересчур жарко накопечгарим, то вентиль закручиваем, и вода сначала в тот уличный резервуар попадает, а с него самотеком вниз с обрыва падает. Температура как раз кости прогреть, круче, чем в бане. Если что, там, ниже, в скаль-

нике, тоже целая дикая ванна имеется, только тропа скользковата. Так что, в какой хочешь, в той и балдей. Давно, наверное, водные процедуры с видом на горы принимал?

— Да как тебе сказать... Вот так, да еще и не опасаясь прицельной стрельбы, наверное, впервые. Эх, не зря, не зря я до тебя собирался! Думал, меня реально мало что может удивить...

— Лиха беда начало. Иди, купайся, да завтракать пойдём. А я пока данные с приборов сниму. Работа, как-никак.

* * *

— Ну что, пошли, прогуляемся? Здесь столько мест удивительных, что жизни не хватит все посмотреть, а ты всего несколько недель заложил.

Бэл посмотрел на дикий нехоженный простор, затем на друга.

— Слав, ты как с ногой своей по этим козьим тропам? Не крутовато будет?

— Нормально. Я здесь свой маршрут проложил. Ты, главное, сам не навернись, за мной шагай, чтобы не пришлось мне Варьке с Марусей во всех красках рассказывать, как дядя Бэл неожиданно уехал.

— Ты лучше расскажи, куда своих девчонок дел?

— А чего я, они у меня большие, сами решили прогуляться по случаю и до Петропавловска уехали с вахтовиками из ТЭЦ, к Варькиной подруге. У той тоже дочка, Марусина ровня, пусть моя с живыми детьми общается, чтоб не забыла, как они выглядят. Да и нам дали время все переговорить, обсудить, водки попить и план твоего маршрута разработать. Здесь, знаешь, не Кавказ, здесь без плана никак нельзя.

— Так эта махина с трубами в горах, которую мы проехали — это ТЭЦ?

— Ха! Не просто ТЭЦ, а ТЭЦ! Стоит на горячем вулкане, речка с гор затекает, снизу кипятится, и вниз, в город, тепло и электричество подается. Каково придумано, а!

— Впечатляет. Умеют же наши заморочиться!

— Умеют. А ты чего Ульянку с Венькой с собой не взял? Он у тебя парень большой, с тобой бы по горам полазил.

Бэл слегка приотстал на крутом спуске, наблюдая, как ловко, почти не хромя, передвигается по этой круче Слава, и, скорее всего, вопрос не услышал, по крайней мере, ничего не ответил. Но, оказавшись на живой, дышащей земле, быстро догнал друга.

— Вот это да! — в удивлении, разводя руками, выпалил он. — Славка, это же... ну, я даже слов не найду! Как так может быть, чтобы все рядом и все вместе? Вот он, снег, летом лежит — не тает, вот кипяток в небо взлетает, сера, пар, грязь булькает, и тут же зелень, река горная... Мне все это снится, что ли?

— Ну, если только сон наяву. А вот здесь осторожнее! — Вячеслав отдернул друга от ледяного козырька, под которым с ревом проносилась горная река, через несколько метров вновь занырявая в снежный тоннель, чтобы уже где-то ниже, вырвавшись из теснин и преодолев все преграды, влиться в Тихий океан.

— Здесь, Бэл, иногда промоины образуются под снежником, можно легко провалиться. И, пожалуй, это будет самый быстрый спуск, хотя не совсем удобный.

— Принято.

А Вячеслав тут же присел, приглашая наклониться и друга:

— Посмотри, Бэл, какие удивительные растения стелятся по камням.

— Слава, ты меня все больше и больше удивляешь. Вот уж не думал, что на лютики-шмутики внимание будешь обращать. Стареешь, что ли?

— Не в возрасте дело. Остановись, присмотрись! Здесь же макромир с микромиром переплетается, вечное с мимолетным, и в этом суть данных мест. Оглянись, Бэл, этим вулканам миллионы лет, а вот цветок со спичечную головку через день исчезнет. Попробуй на вкус воду, которая бежит с высоты нескольких тысяч, с ледника, как знать, может, ровесника нашего седого мира, и скажи, есть здесь место для суеты, проблем Большой земли? Что они на фоне величия, сплетения изменчивости и незыблемости?

Бэл действительно остановился, огляделся, затем внимательно посмотрел на Вячеслава:

— Мой друг, да ты становишься поэтом! — И осторожно, стараясь не соскользнуть по размякшей местами грязи, стал подниматься обратно к метеостанции.

* * *

— И что, Слав? Типа приехал сюда, и сразу отлегло? Вот, прям, посмотрел на горы, на реки, на кисельные берега, и как бабка отшептала?

— Не бабка, и не сразу, — хозяин сидел на скамье, на которой они сидели ночью, и всматривался вдаль. Распогодилось, скалистая гряда была видна во всей красе. — Садись, Бэл, история длинная.

Дождавшись, когда друг устроится рядом, Вячеслав продолжил:

— Многое ты и так знаешь. Да только это как обертка, а суть всегда внутри прячется. В общем, случилось со мной что-то еще до ранения. Начал по ночам вскакивать. И не во снах дело, их как раз особо и не было, либо не помню... А суть такая, что посреди ночи глаза резко открываю и ощущение, что у кровати силуэт черный стоит, на меня смотрит... Как у классика: «Черный человек на кровать ко мне садится, / Черный человек спать не дает мне всю ночь...» Как бешеный вскакивал, свет врубал, сердце от жути аж в горле билось, а нет никого. Сяду на край кровати, голову руками обхвачу и качаюсь, пока адреналин не откатит и в сон не начнет морить. Утром — разбитый, издерганный, от теней шарахаюсь. Что тут скажешь... Начал подумывать, что, может, вот так с ума и сходят.

С Варей уже встречались тогда долго, она от меня вроде как серьезного предложения ждет, а я отмалчиваюсь: что могу ей предложить?.. психику свою расшатанную? Да и начни вместе жить, напугал бы ее до жути, а как объяснить, что со мной, если сам ничего не понимал? И потерять ее боялся. Влюбился. Что делать? Особо даже не расскажешь никому, стремно как-то. Сплетни, сам знаешь, быстро разносятся. Боялся, наверное, среди друзей, знакомых прослыть психом. Думал, отвернись... дурак. Не хотел, чтобы за спиной шушукались. К нашим врачам не пойдешь, больше этих ночных побудок боялся быть списанным, выпасть из обоймы. Сунулся к психиатру за деньги, тот меня успокоил, мол, вы не наш пациент, по крайней мере, пока, но успокоительное выписал сильное, сказал, что, скорее всего, это от перегрузок и недосыпа. Посоветовал к психологу походить. На это, сам понимаешь, забил, но таблетки пить начал.

Сначала, как доктор назначил, по половинке, а потом как-то сам на целую таблетку перешел, и вроде лучше стало, по ночам спал как убитый, без подрывов, но тут другая побочка накапливаться стала. Состояние вроде легкого неадеквата, как подшофе, когда по фиг все. Вот в таком состоянии я тогда в командировку и уехал, а там...

В аккурат под Новый год позвонили, попросили на дорогу у блокпоста выйти, машину с посылками встретить, забрать передачу. Пошли с Коляном. Стояли на обочине, молчали, каждый о своем думал. Он курил. Даже сейчас вижу, длинно так затягивался, как будто накуриться хотел...

Машины туда-сюда шныряли. Помнишь, там дорога с горки шла? Тут я вижу, фура прямоком в нашу сторону несется. Колька к ней спиной стоял. А я тогда вроде как даже глаза водилы увидел и как будто вдруг понял, что он задумал. Тот газу добавил. Слова у меня в горле застряли, хотел Коляна отдернуть в сторону, да реакция под этими дурацкими таблетками, сам понимаешь, никакая. В общем, так нас и замотало. Кольку сразу под колеса затянуло, меня краем зацепило, ногу только перемололо.

Парни с блока очередь дали, фура, протащив меня за собой, на пробитых колесах осела. Водилу вытянули, а он давай орать, что мы сами на дорогу выскочили, а он груженный, не успел отвернуть. Понаехало народу, комендатура, ВАИ, ГАИ. Чечена этого увезли разбираться. Фуру затем тоже перегнали. Даже не знаю, чем дело кончилось. Хотя, не удивлюсь, если отпустили. Времена-то вроде как мирные наступили, все счета списали. Так командиру и объяснили — незачем ему было идти на злой умысел — несчастный случай.

Но это уже позже. А там, помню, лежал я у обочины и от кровавой мешанины под машиной лицо отвернуть не мог. Смотрел на куски разодранной формы. Автомат под вал замотанный, а он ведь у него через спину был заброшен... Кости белеющие... И тут понимание догнало. Орать начал во все горло. Парни подлетели, обезболивающее колоть стали, жгут затягивать. А я ору, и не от боли даже, хотя и от нее тоже, но больше от того, что шею заклинило, и глаза не по моей воле и как будто даже вопреки, останки от лица Коляна в этом месиве нашли. Да какое там лицо... фрагменты. Повезло, что командир тогда руками голову мою силой развернул и что-то успокаивающее говорить начал. Слов не помню, помню только глаза его, и как с неба начал снег валить нереально большими хлопьями. Потом погрузили меня в машину и в Ханкалу, там врач только глянул на ногу, даже ткань резать не стал, только жгут перетянул. Не собрать мне здесь, говорит, могу только отрезать. Давайте на борт. Довежут — может, повезет.

Повезло, в общем, собрали. Год нога в «елизарове», а перед глазами, как слайд, Колян — вот он стоит курит, а вот уже... Автомат еще этот искореженный все время снился. По выписке — какой я боец на костылях? — попросили на пенсию. Да я и сам понимал, что все, отвоёвался. Правда, Варя не отступилась, не ушла. Гнал ее не раз, еще в госпитале, а она молчала, но один раз не выдержала и как залепит мне оплеуху, да так, что в ушах зазвенело. Глазищами своими серыми на меня в упор смотрит и говорит, а у самой голос от слез дрожит: «Замолчи! Слышишь! Никуда не уйду. Обещал жениться, держи слово, офицер. И чтоб на свадьбе был в форме».

Слава помолчал, по-прежнему вглядываясь в снежник хребта, как будто именно ему рассказывал свою историю. Затем улыбнулся и продолжил:

— Что тут скажешь? Прижал к себе: «Выйдешь за меня, Варвара-краса?» Она лишь кивнула и разревелась. Вот такой оборот. А дальше по-разному было. Сложнее всего было пытаться найти себя, привыкнуть к тому, что вот она, гражданка. Когда по телевизору что-то нас касающееся показывали, переключал — сил не было смотреть. Все встречи к минимуму свел — видеть никого не мог. Душу как будто на болевой излом выкручивали. Четкое ощущение себя как неудачника. Понял тогда людей, которые из запоев не выходят. Нет, не оправдал, а просто впервые подумал о том, что под пьяной анестезией действительно легче. Да и тут не повезло — организм на второй день водку просто не принимал. Вот ведь штука — и хотел бы спиться, да не получилось.

Потом Маруся родилась. Отвлекся. Но все равно накрывало иногда. Затем вот сюда приехали, и здесь все не просто оказалось. Я же эту красоту тоже не сразу разглядел. Не сразу и жизнь переоценил. Ну да это все присказка, сказка будет впереди — и впервые за весь рассказ Слава взглянул в глаза друга, увидел, видимо, то, что было нужно, хлопнул себя по коленям и поднялся: — А сейчас пошли-ка в дом, чаю тебе на травах налью!

* * *

В доме было тепло, но Бэла била непонятная дрожь. Он сидел на деревянной скамье у стола, обхватив горячую кружку руками, наблюдал за другом и молчал. Не знал, что сказать. Было понятно, что друг не ждал ни оправдания, ни утешения. Он крутил в руках зажигалку, которой зажег газовую горелку под чайником, и о чем-то размышлял.

— Слав, ну ты чего маешься? — нарушил молчание Бэл.

— Не знаю, как тебе дальше рассказывать, чтобы ты у виска не покрутил, — отозвался тот.

— Когда-то ты уже боялся, что тебя сочтут дураком. Начни, а дальше война план покажет. Я понятливый.

— А, бэла не была. Где наша не пропадала! Значит, слушай дальше.

Приехали мы сюда. Обживаться стали. Для меня этот пейзаж за окном — как испытание на прочность. Помнишь, как в песне: «Горы афганские, горы чеченские...», а здесь горы камчатские. Смотрел на них, и вечный флеш-бэк: то первую командировку вспомню, то последнюю, то одно, то другое... Сначала все ждал, что намозолит глаза картинка, надоест и отпустит. А оно вроде как наоборот, еще сильнее накатывать стало. Тогда подумывать начал, что не вынесу я это величие. Но не сорвешься, не уедешь враз. Во-первых, не один ведь — с двумя хвостами. Во-вторых, оборудование, приборы не оставишь. В-третьих, понимал, что и дома не лучше будет. Запутался. Безнадега чернее запоя. Ненависть ко всей этой красоте накрыла.

Варька тормошит, а у меня только раздражение поднимается. Знаю, что ни при чем она, а знаешь, как легко на другого всю вину переложить? Один раз даже не удержался, наговорил обидного. А она ничего не ответила, развернулась и ушла в детскую. Походил, помаялся, дверь тихонько приоткрыл, заглянул, а они спят в обнимку, девчухи мои золотые. Ох, и стыдно мне тогда стало, таким чмом себя почувствовал! Край!

Оделся и похромал в долину гейзеров. Приметил, что медведь там территорию свою метит, значит, обход держит. Иду, а в голове пустота, вроде как решил на что-то. Не смотри на меня так, Бэл! Думаешь, я

кончат с собой пошел? Нет... не знаю. Пошел, потому что одно понял — нельзя так жить дальше! Ведь еще совсем чуть-чуть, и они бы устали от меня, и в этом нет их вины. Варя старалась, от души, честно, с любовью ко мне-вчерашнему, стараясь не разлюбить меня-сегодняшнего, но это тяжело, когда ты своими делами, словами, поведением убиваешь любую надежду. Понимание пришло, но сил что-то изменить в себе найти не мог. Поэтому пошел в смутной надежде... на встречу с косолапым.

И что ты думаешь? Встретил! Вышел он ко мне из-за валунов. По-весеннему худой, шерсть свалывшаяся с боков висит, но здоровый, лапы длинные, башка крутолобая, глаза оценивающие, вроде как с прищуром. Встал, на меня смотрит, мордой водит, воздух шумно втягивает, фыркает, лапой снег скребет. Я замер. Желал ведь вроде этой встречи, а все равно неожиданно. Стою, его разглядываю, а что делать — не знаю. Бежать глупо, нападать бесполезно, а главное — вроде как с уверенностью смерть искал, да вдруг ее, уверенности, в момент не стало. И ты знаешь, стал вдруг я ему рассказывать, распаяясь и горячась, кто я, как оказался здесь, что Варьку обидел, а она не виновата, что я себя здесь найти не могу, что я себя вообще нигде найти не могу... Вот такой крутой спец, вернее, был крутой, да спекся. Не могу здесь прижиться, не получается калеке. Да лучше бы меня тогда КАМАЗом в фарш перемолото. А Колька... у него вот три пацана остались, жена, мать, отец после этого с инфарктом в больницу уехал...

Медведь постоял, послушал, да вдруг развернулся и не торопясь пошел вверх по склону. Территорию свою пометил, еще раз на меня посмотрел, рыкнул, вроде как презрительно, что его это земля и он будет решать, кто здесь приживется, а кто нет, и за валунами скрылся. Я замолчал на полуслове, постоял и обратно домой поплелся.

Иду, а на душе смятение. Повезло, не повезло? Навстречу Варя бежит, куртка наспех на плечи накинута, в глазах тревога, вроде как поняла, зачем я вечером по туману в горах брожу. Но сказала только: «Пошли, Слава, гость у нас». Удивился, но ничего не спросил.

У забора джип прокачанный, задранный стоит. В дом захожу, а у «буржуйки», в аккурат, где ты сейчас, паренек в «горке» сидит, руки у огня греет. На коленях карабин, а в ногах черная овчарка лежит, тоже на огонь смотрит. У меня в голове мысли вскачь пошли. И про то, что это кто-то со службы приехал — но тут же отсек, никто не знал, где мы. И про то, как это наш Печенег овчарку в дом запустил — он по поводу чужих собак лютует. Озадаченно поздоровался.

Паренек голову на меня повернул, весело так глянул и зубами в улыбке блеснул: «Здравствуй, хозяин!» Встал, придерживая карабин, распрямился, и тут я понял, что это — девчонка! Молодая симпатичная женщина с короткой стрижкой. Я дар речи потерял, а она стоит себе, улыбается: «Или сейчас здесь медведь хозяин?» Я ей: «Не понял?» — «Да вот, сообщение пришло, что здесь медведь шалит. А раз такое дело, то на косолапого разнарядку выписали. Если вы подтверждаете информацию, то завтра ликвидируем злодея. Так да или нет?» — «Не понял, какое сообщение, от кого? А если не подтвердим, тогда что?» — «Ничего, напишите объяснительную на имя старшего егеря, что все хорошо да покойно, и мы с Пулей уедем». Я на собаку тогда глянул, а она с девчонки глаз не сводит, словно по губам читает. «Пуля... интересно... А вас, простите, как зовут?» — «Меня зовите Ветла». — «Ветла?» — «Это мой позывной». — «Красиво, конечно, а имя?» — «Имя вам не пригодится. Позывной завсегда надежнее».

Тут в наш странный диалог вмешалась Варвара, позвав всех ужинать. Прибежала растрепанная Маруська и, представляешь, ничуть не испугалась чужака. Разулыбалась тете, что-то сразу стала ей рассказывать своим детским языком, и мы глазом моргнуть не успели, как она уже к ней на колени залезла, на ухо что-то шепнула, сползла и убежала с Пулей обниматься. Я вроде как дернулся, но Ветла успокоила — ребенка не тронет. И в самом деле, собака хвостом виляла и мордой аккуратно дочку подталкивала. Маруська хохотом заливалась. В общем, возились на половаках, как будто давно знакомы, ну и мы успокоились.

Пока ужинали, разговоры нейтральные вели — про метеослужбу, про погоду, природу. Варька удивлялась все, как Ветла не боится практически по бездорожью ездить, да как же это на медведя, да в одиночку, а та лишь беззаботно рукой махнула — не одна, мол, Пуля за двух товарищей сойдет. Когда дело до чая дошло, Варя охнула — Маруська прямо рядом с Пулей уснула. Осторожно, чтобы не разбудить, подняла ее и понесла в детскую. Доча спросонья захныкала, и Варя с ней осталась, напевая колыбельную. Я дверь прикрыл, обернулся, и тут Ветла меня спрашивает: «Как дальше жить собираешься, Валдай?»

Сказать, что я удивился — ничего не сказать. Сам почувствовал, как побледнел. С момента ухода со службы не слышал я своего позывного. «Какого... Откуда?» А она сидит, смотрит на меня в упор, но уже без улыбки. У меня, прикинь, мороз по коже. Понимаю вдруг, что не такая уж она и молодая, как вначале показалось, и опыта у нее столько, что реально может в одиночку не только на Камчатке выживать. Да и не простой она егерь. Вернее, такой же она егерь, как я метеоролог. «Кто ты?» — только и смог я из себя выдавить. «Проводник, — и на стул мне кивнула. — Садись, разговор есть».

Тут Слава замолчал и посмотрел на Бэла. Никогда не видел он у друга такого внимательного, заинтересованного лица. Тот в нетерпении заерзал:

— Не томи, что дальше-то?

— Дальше, Бэл, совсем интересно пошло. Я тебе все расскажу, только уговор — не перебивай. После выскажешься.

— Чеспионерскоечтобмнепустобыло! — в слово проговорил Бэл, но было видно, что пошутил по привычке.

Вячеслав кивнул и продолжил:

— Ну, значит, так... Говорит она мне: «Хватит, Валдай, терзаться, случилось то, что должно было случиться. Колян с тобой поговорить хочет».

— Что?! — вскинулся Бэл.

— Обещал ведь! — укорил друг.

— Молчу, молчу! — Бэл скользнул пальцем по губам.

— Вот и я ей — что? И знаешь, она мне как-то очень кратко, но доходчиво объяснила. Я, в свою очередь, попробую тебе передать, но боюсь, что у меня немного мутновато получится. Ну да, извини, за косность языка. В общем, получается, что она может проводить людей в различные «Зоны». В том числе в «Зону», где можно встретиться с мертвыми. Прикинь! И что обычно она только с этой стороны людей заводила и встречу организовывала, но в последние разы в этой «Зоне» стал к ней боец «оттуда» подходить и просить за встречу со мной. И она готова меня на эту встречу сводить, но при условии, что я полностью доверюсь ей и скептицизм на потом оставлю. А мне тогда не до критики было. На душе ворон-

ка, больше терять нечего. Валай, говоря, врубает пятую передачу, и погнала в гости на тот свет. У меня сегодня в плане стояло его посещение. В голове, конечно, винегрет из сказок, что вот она сейчас раз, палочкой волшебной махнет, и Колька пред нами предстанет, или двери распахнутся, метла влетит, мы на нее — и в загробный мир мимо Харона рванем. Полный отвал башки.

Но нет. Она говорит, садись удобнее в кресло, я буду давать указания, а ты исполняй. И что бы ни происходило, ничего не бойся. Помни, я буду рядом и в любой момент смогу тебя оттуда вывести. И еще, чтобы я с ней разговаривал — так сказать, контакт не терял. Понял? Я кивнул, а сам вообще ничего не понимаю. К робкому десятку никогда не относился, но внутри аж мандраж пошел. В общем, никакой волшебной палочкой махать она не стала, а попросила глаза закрыть и дышать так, как она будет велесть. Минуту дышу, две — слушаю, что она мне говорит, ничего вроде как не меняется, только голос глуше стал и дальше, и вдруг ощущение появилось, будто падаю я куда-то, но не страшно, а как в сон проваливаюсь. Приятно. Расслабленное парение.

Вдруг голос ее прямо в ухо спрашивает: «Где ты? Опиши, что видишь».

И тут же, вот в это самое мгновение, вижу, что стою я на дороге, у нашего блокпоста, рядом с КАМАЗом тем проклятым, а из-под него кровь растекается. От лужи этой отшагнул, взял себя в руки и начинаю описывать, значит, что вижу. А она мне дальше указывает — посмотри, что под машиной, откуда кровь бежит. А я не хочу! Не могу смотреть, так как точно знаю, что там увижу. Но она настаивает — верь и делай, раз обещал. Через силу наклоняюсь, заглядываю, а там нет ничего страшного. Обычное днище грузовика. Озадаченно поднимаюсь, оборачиваюсь и прямо перед собой вижу Коляна! Он стоит, курит как тогда, в длинный затяг, щурясь от дыма. Я аж отшатнулся. Головой замотал. Накрыло меня от такой встречи, нехорошо стало, воздух глотаю, а вздохнуть не могу. Ветла за руку меня взяла и говорит — глаза открой. А как открыть, если они у меня от всего этого и так нараспашку? Но она пальцы с силой сжала и повторяет: глубокий вдох, выдох, открывай глаза! И ты знаешь, как переключатель щелкнул — открыл глаза, оказался здесь, сижу в кресле, весь в испарине, и дрожь как щенка бьет. Соскочил с кресла, из угла в угол ходить начал, башкой из стороны в сторону мотаю, а сам все шепчу — не может этого быть! Это просто гипноз! Наваждение!

Ветла за мной наблюдала, ждала, пока выдохнусь и в себя приду. Ну и когда я собственный адекват на место вернул, к ней метнулся: как это? Это же Колян, да? Этого не может быть! А она мне — успокойся, все бывает. Просто допусти в свою картину мира такую возможность. Я тебе позволила не только заглянуть за границу этой реальности, а зайти туда.

А я все пытаюсь объяснить какое-то найти, логику подключить, иначе, понимаю, голова взорвется. Это же не в фильме фантастическом, в реале! Ее допытываю: это как скольжение по информационным полям? Нет, даже не полям, а на самом деле... Зонам! Это примерно как у Стругацких, хотя там сталкеры за разными ништяками ходили, а здесь она людей водит... Проводник, значит...

Ветла подтвердила. И вот это объяснение как-то прям легло, и мне стало спокойно и понятно. Она это тоже увидела и спросила, готов ли я вернуться? Я кивнул. И опять все по новой. Падение, парение, Чечня, дорога, КАМАЗ... И снова Колян ко мне подходит, прикинь, улыбается.

«Здорово, Валдай», — говорит, и руку протягивает. Пожал. Его это рука, пожатие крепкое! А главное, вот он, живой и целый. Я, значит, сам себя одернул, чтоб уж совсем как обморочная девица не выглядеть, и ему тоже: «Здорово, Колян, чего звал?» Прикинь, да! Он только усмехнулся — сощурился, может быть.

А потом стал как всегда серьезным и говорит: «Отпусти меня, Валдай! Пойми, в произошедшем нет твоей вины. Не твое это испытание, да и не мое уже, а моих близких. Мы все испытываемся людьми, и сами для людей становимся испытанием. Устал я от этого места. Осточертела эта земля. Домой хочу. Предки меня там ждут, за горизонтом. Слышу, как дед песню поет тягучую, чую запах травы свежескошенной, бабушка кличет ужинать и коровы протяжно мычат, а еще печка там с огнем теплым, живым, уютным. А здесь нет ничего, только боль, кровь и тоска. Отпусти, Валдай!» — «Так, Колян, я чего, иди», — это я ему. «Не понять тебе, но держишь ты меня здесь сердцем своим, унынием, стенанием. Тем, что жизнь свою начал под откос пускать, а раз мы одной ниточкой в смерти завязаны оказались, мне приходится сидеть и тебя ждать. Поэтому либо прости себя, либо пошли прямо сейчас со мной». Я ему в ступоре: «Как это, пошли со мной?» А он: «Да просто, если согласишься здесь — умрешь там».

И вот честно скажу, оказался я к этому все-таки не готов. Взять и закончить все разом здесь и сейчас не заманчиво оказалось. О Варьке подумал, о Маруське и, не поверишь, о Камчатке, что здорово здесь было бы жить... Про медведя того вспомнил. И тут голос Ветлы, тихонько так: «Молодец!» Да и Колян стоит, смотрит по-доброму: «Ну, тогда будемщаться. Только есть еще одна просьба — автомат мне отдай».

На это я совсем растерялся: «Да где я его возьму?» — «Сам знаешь, где он». Тут меня осенило, и я под машину полез, вижу — автомат искореженный, весь в крови под карданом. Преодолеl смятение, потянул его на себя, и он вдруг легко так в руки лег и сразу стал целым, обычным АК-74М, с синей изолентой на рукоятке, которую когда-то, в прошлой жизни, сам Колян и наматывал. Вылез удивленный, отдал автомат. Колька его сразу за спину закинул. Обнялись на прощание. «Еще свидимся, придет время», — сказал, и вроде как ветерок скользнул — и нет Коляна. Один стою. А на душе и легко и грустно одновременно, но не стало горечи этой разъедающей.

Ветла меня спрашивает: «Что-то еще тебе от этого места надо?» Осмотрелся я и понял, что нет. Ничего в нем больше нет. Пустое оно, безжизненное. «Тогда пошли. Тебе тоже домой пора», — и снова руку сжала. Я глаза открыл и понял, что сижу и улыбаюсь. Не поверишь, но легко стало, спокойно. Посмотрел на нее и спрашиваю: «Ветла, ты ведьма?» А она только усмехнулась: «Нет. Подругу мою когда-то давно Ведьмой звали, а я — Проводник».

* * *

Слава подлил чай в кружки и задумчиво добавил:

— Вот такие дела, а автомат тот мне больше не снился.

— А потом что было?

— Погостила она у нас еще несколько дней. По округе погуляли, она мне на местную красоту глаз заточила. Поговорили за многое, но это уже больше философские беседы. С Варварой тоже отдельно пообщалась.

С Маруськой какие-то секретички пообсуждала. И ты знаешь, Бэл, у нас как будто семья на другие рельсы перешла. Сложно объяснить, как это: раз — и на душе мир появился, но так здорово ощутить! Вроде ничего вокруг не изменилось, а тебе вдруг жить интересно становится. И ведь все свое прошлое помню, ничего не забыл, но смотреть на это стал без боли, стыда и надрыва. А на прощание Ветла спросила: «С медведем-то что делать будем?» Я аж головой замотал: «Не стреляй! Он мне шанс дал». Потом не выдержал и спросил, кого ж он заломал, что его отстреливать нужно? Ветла лишь привычно улыбнулась: «Тебя!..»

В этот миг из-за резкого порыва ветра неожиданно с силой хлопнула открытая оконная створка, тут же залаял Печенег, и мужчины невольно вздрогнули.

— Что за фигня?! — встрепенулся Бэл, а Слава кинулся к дверям, крикнув на ходу:

— Окна закрывай, сейчас гроза начнется, все стекла побьет! А я приборы сверю, — и быстро вышел из дома.

Бэл защелкнул шпингалеты, озадаченно глядя на улицу. Там уже не было прежней идеалистичной картинной красоты. Склон напротив погрузился в сумрак свинцовых туч. С треском скользнули молнии, и за ними, не отставая, прокатился размашистый грохот. И уже в следующую минуту с ревом обрушился ливень.

Входная дверь хлопнула, и на пороге появился абсолютно мокрый Вячеслав, который с улыбкой развел руками:

— Не, ну нормально! Для метеостанции это оказался неожиданный поворот погоды! — и уходя в комнату переодеваться, добавил: — Обожаю Камчатку!

* * *

Часы давно перевалили за полночь, но Бэлу не спалось. Ворочался с боку на бок, то прислушиваясь к стуку дождя за окном, то проваливаясь в размышления. Не шло у него из головы откровение Вячеслава. Но и поверить во все это было за пределами разумного. Хотя... Чего ведь только не случилось за время службы, да такого, что однозначно было в ведении каких-то иных сил. И тут же услужливая память напомнила, как попал впервые он под обстрел. Случилось это как в насмешку над ним, с детства боящимся высоты, при вылете на задание. И когда тяжелую машину стало мотать в воздухе, заваливая в крен, у него, еще молодого лейтенанта, от ужаса грудь перехватило, да так, что даже благой мат застрял в легких. Ноги налились свинцом, а в мозгу проскочила паникерская мысль: «Все! Кренец-кандец!» Даже сейчас, лежа в постели, он вспомнил тот сковывающий сердце кошмар, и накатило, перехватив горло до боли. Вот ведь сколько лет прошло, а тело помнит!

Бэл встал, походил по комнате, пытаясь отогнать чересчур уж реальные воспоминания. Но картинки прошлого уже неотвратимо скользили перед глазами. Пережить те ужасные мгновения тогда помогло одно: закрыв глаза и вцепившись в сидушку, одеревеневшими губами он шептал молитву Богу и Ми-24, сначала беззвучно, а под конец уже, как ему казалось, крича изо всех сил: «Вертушечка, вынеси! Вывези! Держись!..» И вот штука какая, даже сейчас он мог поклясться, что тогда в падении что-то изменилось, в нарушение привычных законов физики. И они сели! Подломив шасси, вертушка выпустила их, перепуганных пацанов, на

твердую землю. Отбежав подальше, он обернулся посмотреть, не загорелась ли машина, и вздрогнул от неожиданности — на какое-то мгновение показалось ему, что лежащий вертолет был живым существом, прижавшим обстрелянный бок к земле, тяжело дышащим и при этом будто улыбающимся смущенно им вслед. Тогда он мотнул головой, отгоняя наваждение, но сказал вдруг в голос: «Спасибо!» И чтобы никто не увидел, как увлажнились глаза от пережитого страха и радости спасения, отвернулся и быстро двинулся прочь, рывком вытерев лицо рукавом полевки.

Потом, позже, по возвращении, зашел он в церковь и долго разговаривал с Богом, стоя перед старинной иконой в золоченом окладе, а под конец вдруг попросил, чтобы помог он, всеильный, и та вертушка «выздоровела», вернее, чтобы починили, спасли ее, а не отправили в утиль. И ведь встретил ее спустя несколько лет и командировок, проезжая по Ханкале. Увидел, как поднялась с аэродрома на вылет двойка «крокодилов», и необъяснимо учащенно трепыхнулось сердце. Топнул по тормозам, торопливо спрыгнув в раскисшую грязь дороги, и стал пристально вглядываться в приближающиеся машины, беззвучно шепча вмиг пересохшими губами: «Я прошу тебя... я просто прошу, пусть это будешь ты...» И когда разглядел приметный знак по фюзеляжу, облегченно засмеялся, радостно замахав руками, а Ми-24 вдруг отклонился от курса, подлетел близко-близко, завис на секунду над ним, словно тоже узнав в заматеревшем спеце того перепуганного, ободранного в кровь паренька. Затем, качнув на прощание бортом, вертолет набрал обороты, легко догнал напарника, и уже через несколько минут их мощные силуэты скрылись из виду. А Бэл еще какое-то время стоял, смотрел вслед этим удивительным, совершенным машинам и думал, что нет, не все в жизни так просто...

А сейчас Бэл стоял у окна, смотрел невидящим взглядом в ночь, рисуя что-то пальцем на стекле. «Все бывает в этом удивительном мире», — будто в чем-то уверяя себя, тихо произнес он.

* * *

Утром Бэл проснулся от того, что тихонько скрипнула дверь. Пытаясь не выдать, что уже не спит, он полуприщуренно покосился и усмехнулся: через приоткрытую щелку его пристально разглядывали любопытные детские глазки. Бэл подавил улыбку и неожиданно пружиной подскочил на кровати с криком: «А-а, попалась!» Реакция была незамедлительная — восторженный визг за дверью и удаляющийся топот маленьких ножек. Он же громко рассмеялся, довольный такому развитию знакомства. Со стороны кухни, где что-то уютно шкварчало и посвистывал закипающий чайник, раздалась торопливая речь:

— Дядя Бэл не спит! И как вкочит! А потом зайчит! Ста-ашно!

Послышался веселый женский голос, который что-то ответил ребенку. И вот уже детский топот спешно последовал обратно в сторону комнаты. Бэл, быстро одевшись, спрятался за шкафом. Широко распахнув двери, в комнату забежала маленькая девчушка в ярком платье с подсолнухами и встала как вкопанная, озадаченно разглядывая пустую постель. Бэл, подавив смех, выскочил, изображая страшный рык:

— Сейчас я поймаю и съем эту Маруську! — и неуклюже передвигаясь, попытался ухватить девочку, но та вновь, упоенно заверещав, убежала.

Бэл, рыча и топая, пошел следом. На кухне у плиты стояла Варвара

и переворачивала зарумянившиеся сырники. Обернулась на вошедшего взлохмаченного Бэла в одетой наизнанку футболке и прыснула от смеха. Фыркнул и сидящий за столом Слава, а Бэл, продолжая дурачиться, спросил страшным ломаным голосом:

— Признаваться сейчас же, где есть маленький дьевочка, которую я желать есть на завтрак?

За спиной Вячеслава послышалась возня, и Маруся, высунувшись из-за крепкого отцовского плеча, весомо ответила:

— Мауюсь есть нильзя!

— Попалась! — Бэл ухватил заливающегося смехом ребенка, подкинул над собой несколько раз и довольный ее восхищением поставил на пол. — Ну, привет, девица-краса, длинная коса! Мама тебя спасла, вкуснятину приготовила.

— А я тебя знаю. Ты дядя Бэл. Мне папа асказывал, — девочка восхищенно, высоко задрав голову, рассматривала великана. Подумала и добавила: — Ты добый и еще хаоший! И не ешь детей.

На это Бэл щелкнул зубами и изобразил страшное лицо. Маруся хочоча убежала из кухни.

— Умеешь же ты с детьми общий язык находить, — Слава отпил кофе, довольный радостью дочки.

— Привет, Варя... Как всегда, замечательно выглядишь! — Бэл почтительно кивнул женщине. Та подошла и обняла его:

— Здравствуй! Молодец, что приехал. Слава, знаешь, как ждал!.. Иди умывайся и садись завтракать.

* * *

После завтрака Варя погнала всех прогуляться, пока она будет в доме прибираться. Так и порешили: сходить до водопадов, а по возвращении мужчины задумали готовить фирменный ферганский плов. Маруся приклеилась к новому знакомому и, держа его за ладонь, без устали задавала разные вопросы, на которые Бэл отвечал педантично и размеренно:

— А ты мне зайку подаил, можно я его Фома назову?

— Конечно, можно. Это же теперь твой заяц.

— А ты видел мишу?

— Нет, и очень этому рад.

— Почему?

— Ну, потому что медведь большой и сильный.

— Но ты тоже большой и сильный.

Слава одернул дочку:

— Маруся, ты совсем заговорила дядю Бэла.

— Не заговоила, а заспашивала! А почему Бэл? Это имя?

— Нет, солнышко, это не имя, это мой позывной.

— Позывной? А у папы тоже зазывной Бэл?

— У папы позывной Валдай.

— Ого! Касиво! А у меня какой?

Слава усмехнулся:

— А у тебя — Хитрая лиса — язык как егоза.

Тут бежавший чуть впереди Печенег встал как вкопанный и тихонько зарычал. Бэл тут же прижал девочку к себе, Вячеслав достал из кобуры ракетницу. Но через пару минут собака махнула хвостом и засемила-ла дальше.

— Отбой! Ложная тревога, — объявил Слава, и компания двинула дальше.

Через пару километров Бэл начал различать приближающийся гул, постепенно переходящий в рев, и озадаченно посмотрел на друга:

— Водопад?

— Он, родимый! Ну что, Маруся, удивим гостя? — Она радостно закивала. — Ну, тогда веди, показывай.

И девочка, воодушевившись возложенной ответственностью, прибавила шаг и потянула Бэла за руку по скалистой тропе вверх.

— Маруся, ну ты спортсменка! Давай потише, папу подождем... Вот это да!

Они вышли на небольшую площадку, а скорее плато, и Бэл не сразу осознал, что от удивления даже приоткрыл рот. Перед ними, всего в десятке метров, находилось мрачное глубокое ущелье с отвесными, как казалось, готовыми рухнуть, стенами, и с высоты сотни метров из-под ледникового козырька с ревом вырывался столб мутной воды, которая с грохотом пронеслась это невообразимое расстояние, наполняя воздух неведомой переливающейся пылью, и скрывалась где-то в недрах разлома.

— Ну как? — спросил подошедший Вячеслав.

— Впечатляет! — Бэл не мог оторвать взгляда от этой опасной бурлящей мощи, которая билась и жила всего в нескольких шагах.

— Дядя Бэл, дай монетку, — дернула его за руку Маруся.

Бэл пошарил по карманам и передал пятак. Девочка спокойно зашагала в сторону обрыва. Мужчина беспокойно глянул на ее отца, но тот успокоил его жестом. Она действительно в свои небольшие года уже понимала границу дозволенного и опасного. Подошла и, нелепо замахнув-шись, бросила в поток монетку, которая, блеснув на прощание, тут же скрылась из вида. Интересно, где ее вынесет, обкатанную до блеска? Бэл достал фотоаппарат и несколько раз щелкнул, с досадой понимая, что техника никогда не сможет передать всей силы, опасности и величия зрелища.

* * *

Ужин удался. Плов всегда был визитной карточкой Вячеслава. Умел он договариваться с этим привередливым блюдом. Около девяти Маруся позвала папу почитать сказку перед сном. Перед уходом поцеловала маму, затем подошла к Бэлу, обняла его, смешно чмокнув в щеку, засмушалась и убежала к себе в спальню. Бэл помог Варе убрать грязную посуду со стола и накрыть для чая. Сели в ожидании Славы. Варя подняла рюмку с наливкой и сказала:

— Спасибо, что приехал. Слава очень скучал по тебе, по ребятам.

Бэл поставил рюмку.

— Варя, не надо за меня пить. Не такой я хороший друг оказался на поверку. Должен был раньше приехать.

Она мотнула головой:

— Ты приехал вовремя, и это главное. А то, что было, нам надо было самим пережить и выход найти.

Бэл внимательно посмотрел на нее и вдруг спросил:

— А про Ветлу — правда?

И даже не удивился тому, что она не стала ничего уточнять, а просто ответила:

— Правда.

Налила чай, подумала и добавила:

— Она ведь меня тоже сводила... туда. Сидели с ней разговаривали, и вдруг она спросила, что бы помогло мне понять мужа. И я ответила — его война. Она тогда посмотрела на меня как-то особенно, как будто пытаюсь лучше разглядеть. Подумала, затем предупредила, что это не только познать, с этим потом придется жить. А я тогда самоуверенно решила, что мы то знание на двоих разделим, значит, уже легче станет. Она лишь кивнула, и скажу тебе — выдалось путешествие! Я увидела такое, что однозначно не готова была увидеть, и теперь не знаю, жалею я о своем скоропалительном решении или нет, но точно все простила, а главное, поняла своего мужа, и это позволило не потерять любовь к нему, когда мне казалось, что общего будущего у нас просто нет.

Бэл дернулся и чуть не опрокинул кружку:

— Расскажи! Куда она тебя водила? Варя, мне это очень важно.

— Знаю, но так страшно вспоминать! Я ведь не просто оказалась в роли наблюдателя, я чувствовала то же, что чувствовал Слава в те жуткие моменты, и это было настолько реально, что сейчас мне уже кажется, что это не его... это все мое. Но если бы это было так, то я бы просто повредила рассудком. Хотя, в любом случае, это не прошло бесследно... — Варя рывком отвернулась, легким жестом смахнув покотившиеся слезы. Помолчала и вдруг спросила:

— Помнишь тот подвал с растерзанными женщинами, который вы нашли на зачистке? Это первое, куда меня отвела Ветла. Помнишь это, Бэл?

Бэл отшатнулся от нее, скрипнув зубами и замотав головой:

— Нет! Не надо об этом! Не хочу!..

Варя села напротив, внимательно глядя на него.

— Бэл, скажи, как можно жить с этим? Те смрадные комнаты до сих пор во мне. Я видела молоденьких девчонок, вывернутых наизнанку, словно тряпичные куклы. Женщин без лиц, без рук, безо всего... А над всем этим месивом гордо возлежала на столе бензопила... и словно ухмылялась окровавленными зубами, в которых завязли кусочки человеческой плоти и обломки костей. Рядом с ней валялось то, что использовалось для унижения... — Варвара осеклась, закрыла лицо руками, резко встала из-за стола и, опрокинув стул, отошла к окну.

Бэл тоже вскочил в порыве успокоить ее, но Варя неожиданно твердым голосом, не оборачиваясь, продолжила:

— А еще помнишь вырезанного из чрева матери нерожденного малыша, мальчика... Я находилась в этом аду и не понимала, что же происходит с обычными людьми, которые сами когда-то были детьми, играли в игрушки, ходили в школу и любили своих близких? Что такое с ними случилось, что они превратились в нелюдей, в отморозь, уверенную в своей безнаказанности? Вернее, об этом думал муж. Мне же в какой-то момент стало настолько невыносимо от вида этого растянувшегося во времени людского безумия с запахом разлагающейся плоти, от гнетущих подробностей садистского пира, что я малодушно заскулила, прося вывести меня обратно, но Ветла отрезала — иди и смотри. И я смотрела, как вы под обстрелом хоронили этих девчонок, а вернее, то, что от них осталось. Молча. С какой-то педантичностью, несвойственной для войны. Словом в себе отвращение и отторжение, аккуратно заворачивали остатки в ткань, которую нашли наверху, словно мастера, пытающиеся собрать

осколки хрупких ваз. Слава положил малыша с мамой и крепко накрепко замотал их белой простыней, чтобы больше никто не смог их разлучить... Потом вы долго мастерили крест, пряча друг от друга глаза, а я стояла у их общей могилы и безмолвно выла от накрывшего ужаса — этого не должно было произойти! Никто из них не заслужил того кошмара, который им пришлось не пережить — прожить! И одновременно с этим тогда я ощутила гордость, необычайное уважение к тебе, к мужу за вашу мужскую человеческую силу. За то, что не убежали малодушно, не оставили их без креста и помина догнивать в том доме. Хотя, ты знаешь, я бы и это поняла. Но ваш поступок был настолько мощным! Вы стали для них не только упокоением, но и упокоением, и отмщением. Воюя, вы точно знали, за что рассчитываетесь с бандитами.

Варя подошла к столу, подняла стул и села, необычайно бледная, но с твердой спокойной уверенностью во взгляде.

— А еще поняла, почему Слава в церкви всегда ставил свечи, поминая всех по именам, а последние девять — просто молча. И после этого понимания, раз — и как слайд сменился, и вот уже лес, подгорье, ваша группа тогда под обстрел попала. Знаю, что скажу банальность, но для меня это как будто ад раскрылся. Что я знала о войне? Да ничего. Несколько фильмов с дорогими спецэффектами. А здесь — раз, и все реально — смерть, боль, кровь. Я даже помыслить не могла, что это настолько страшно. У меня от неожиданности ноги подкосились. Как маленькая девочка, за дерево заползла и уши руками зажала. Да только это не помогает, когда все кругом визжит, рвется и грохочет, когда животный страх разливается в воздухе и на вдохе сковывает легкие, заставляя сердце биться где-то в горле... Вскрикнув, рядом упал боец, парень лет двадцати с небольшим...

— Это Митька был... Он два дня до своего двадцатипятилетия не дожил, — уперев взгляд в стол, вдруг перебил Бэл. — Как пацан ждал свой день рожденья! Все решал, как отмечать будем. Домой хотел позвонить, маму поздравить... Мы ему даже подарок приготовили, клинок серебряный на зачистке нашли. Так его, неподаренный, ему в цинк и положили. Он ведь самый молодой из нас был, смешной...

В комнате повисла тишина. Каждый думал о своем, пока Бэл не попросил:

— Продолжай, Варя.

И она продолжила, разглядывая свои руки, которые била дрожь:

— Пуля ему в голову попала, сорвала часть скальпа, череп раскола. Он в агонии стал биться и вдруг словно увидел меня. Замер и руку ко мне протянул, словно помощи искал, затем беззвучно шевельнул губами, вздохнул и умер. Будто свет в глазах выключили. Я это никогда не забуду. Просто теперь не смогу. А тогда, размазывая слезы по щекам, свернувшись клубочком, я ощутила главное и единственное желание вжаться, вратси в эту вздыбленную землю, закрыть глаза, стать невидимой и незаметной, слиться и раствориться. Представляешь, Бэл, я ведь совершенно забыла, что и так нахожусь в этой грохочущей жути «зайцем». Да, гордиться нечем. Бесславно бы я погибла, будь это моя война...

Вдруг, словно почувствовав что-то, рывком оборачиваюсь и вижу, что Слава, в отличие от меня, чувство реальности не потерял и воюет как положено мужчине. Огрызаясь и смещаясь, пытаюсь обойти засаду. И так у него это ладно получается, что мне вроде как даже спокойнее стало. Да только не долговечное это чувство в бою. Далеко пробиться он не смог.

Заметили. Зацепили. Когда поняли, что ранили, снайпер стал все ближе и ближе стрелять, издеваясь и выдавливая на открытое место. Меня как водой ледяной окатило! Деваться некуда. Да и на месте оставаться — не лучше перспектива — поиграют, поиграют да и накроют быстро... Ты, Бэл, на меня так не смотри, это я как будто Славины мысли тогда услышала, ощутила реальное понимание ситуации и прямо нутром ощутила, что дальше будет... В общем, сложно объяснить, как это вдруг произошло — слияние чувств и мыслей моих и Славы. С одной стороны, я знала, что он думает, какие варианты прокачивает, как выжить пытается, а с другой — грустная мысль: ну вот не будет у меня мужа и Маруськи не будет. И ты знаешь, такая тоска за горло взяла, что даже страха как не бывало. Тут вдруг кто-то из пацанов закричит: «Валдай, держись!», а дальше бой на новый виток пошел — шквал огня, мат русский, да такой отборный, что я аж зажмурилась. И ведь отбили, вытащили! Живого! Знаешь, шла рядом, когда его уже к вертолету несли, и не могла понять, это я его благодарностью чувствую, что не бросили, помогли, вытащили, или это я сама готова вам в ножки поклониться, что у меня будущее в тот момент не сломалось. И еще четко поняла, как же я люблю своего мужа! И такая нежность душу наполнила, передать сложно.

И опять внезапно картинка сменилась! Вот уже заходит он на штурм во двор дома, и вдруг в проеме Петр вместо того, чтобы влево зайти, как должен был, на Славку завалился, с ног его сбил, собой закрывая, одновременно вжимая в чернеющее окно чердака очередь из пулемета... а дальше я сама, телом своим, почувствовала, как его тут же в ответ пулями прошло. И словно не Слава, а я лежу в пыли, на спине, в небо лазерное смотрю и задыхаюсь от боли, от надрыва в душе, что не договорили, не доспорили мы с Петьюшкой о чем-то важном. Что вот он откинулся затылком мне на плечо, но нет уже его рядом, ничего нет, и часть меня тогда умерла вместе с ним, и что мне придется с этим жить...

Тогда подошла ко мне Ветла, руку протянула, с земли поднимая, и спросила: «Еще хочешь войну посмотреть или достаточно?» Мне оказалось по самую макушку. Погладила она тогда меня, рыдающую, по голове и сказала, что если я сейчас захочу, то заберет она у меня все это знание в мгновение обратно, и ты знаешь, сказать, что я гордо отказалась, значит, слукавить перед тобой. Все мое сознание тогда возопило, требуя отказаться и вернуться в счастливое мирное неведение, да душа уперлась и вопреки желанию выдавила: «Нет». Правда, после этого сразу боль невыносимая отступила. Слезы высохли, ум прояснился, а вот любовь, нежность и уважение к своему мужчине остались.

Вот такая история, Бэл. Вот такая она, Ветла...

Барвара встала, походила по комнате, поставила чайник на огонь, опять посмотрела в окно и добавила:

— И тебе пора встретиться с ней...

* * *

— Валдай, я тоже хочу с Ветлой встретиться.

Слава как будто даже и не удивился такому повороту в разговоре:

— Если надо, значит встретишься.

Бэл, сидя все на той же скамье во дворе метеостанции, не глядя на друга, спросил:

— Проводишь?

— Нет. Дорогу объясню, но с тобой пойти не смогу. Это твой путь. Если время пришло, встретишься. Если надумал себе что-то лишнее, то не сложится. В этом деле лучше судьбу не прожимать. Такие встречи из любопытства искать не надо.

— Пусть так и будет. Пойду вещи собирать. Не смотри так на меня, Валдай. Сам не скажу сейчас, зачем. Даже представить не могу, о чем с ней говорить буду. Но душу выворачивает, аж суставы ломит. Только сейчас, наверное, понял, что и я потерялся в этой жизни, похлеще, чем ты. Вроде как в ажуре-абажуре все, да не все.

— Бэл, ты чего это? Случилось что? Может, помочь чем?

Бэл лишь отрицательно качнул понуренной головой.

— Э, брат, давай не финти, рассказывай!

Бэл помолчал и нехотя произнес:

— Да тут, дружище, вроде как букв можно много сказать, а что в итоге?

— А ты начни, может, что и пойму... я понятливый.

— Ты-то понятливый, да я бестолковый рассказчик.

Слава демонстративно переставил стул и сел напротив друга:

— А ты попробуй.

Бэл поводит рассеянным взглядом по сторонам, словно ища подсказку.

— Да тут такое дело... — и выдохнул, будто перед прыжком. — Ты про мою спрашивал, а нет моих больше. Про то, что сын болел да жена не отпускала, это я наврал. Вляпались мы тут в банальщину семейную, невеселую. В общем, Улька, вчера жена, а сегодня — передайте на билетик. История из анекдота — муж пришел не вовремя, а возле подъезда жена с принцем, без белого коня, но зато в синем мерседесе, нацеловывается. Вытянул я этого королевича через форточку... он, правда, когда выходил, лицом сильно ушибся, несколько раз. Ульяна выскочила, давай на меня орать. Наговорили, конечно, друг другу много чего лишнего. Дальше — больше. Истрепали друг другу нервы вкрай. Никогда не думал, что на такой дряни женился, но никогда не замечал, что и сам ничем не лучше. Не поверишь, чуть до кухонных боев дело не дошло, но Венька удержал — ну, как удержал, зашел как-то в комнату, где мы с ней лялись, и сказал — уходи, папа, ты нам не нужен!

Бэл порывисто встал, сделал несколько шагов по двору, но вернулся, сел обратно на скамью.

— У меня тогда аж в голове зазвенело от слов таких, похлеще нокаута. Ушел. По городу прослонялся полночи, потом на дачу уехал. Там как медведь-шатун несколько дней промаялся, раз десять телефон хватал, то Ульке хотел звонить, то сыну, да только слов нужных так и не нашел. На работу приехал, командир на меня глянул, заподозрил что-то, спросил — нормально все? Я ерунду какую-то ответил. А на следующей смене выезд тот злополучный во задержание случился. Меня как черт с цепи спустил. Без прикрытия во двор зашел, в полный рост. Глупо. Ну да бандиты такого тоже не ожидали. Так что, даже вроде как в масть пошло. Я, правда, мат Бати в рации до сих пор помню. Ну да раз работа понеслась, то дальше зачищать стали. И вот ведь дела, перед комнатой той, последней, это я Свату рукой махнул, чтобы он направо заходил...

Бэл обхватил голову руками, качнувшись в немой боли.

— Как же так, Валдай? Это ведь я тогда смерть искал! Я! А она так посмеялась надо мной. Да чего там — поржала, костлявая! Серега на руках у меня умер. Пытался что-то сказать, но н... А ведь все могло быть

иначе, сделай я другой выбор. Лево-право... Все могло быть так, как было бы лучше для всех. После похорон меня в отпуск отправили. Вот, считай, я, от себя убегая, у тебя оказался. Вы с Варькой решили, что я друг такой офигенный, а я так, пустышка. Пока все в порядке было, и не думал, каково тебе тут. Решил для себя, что хорошо все у вас — Камчатка, дочка, работа... А вот как землю под ногами потерял, так вспомнил о друге. Отогреться поехал, а может, тоже своего медведя найти.

— Бэл, ты чего это! Брось! Никогда ты слабаком не был! И после развода жизнь продолжается, да и Венька брякнул сгоряча, тринадцать — возраст сложный. Перемелется.

— Ты знаешь, головой я все понимаю, а вот душой... Сколько мы с тобой прошли, служили как положено, за спинами ни у кого не прятались, святыми не были, но и предателями не слыли... Да только что дальше, Валдай? Что дальше?

Слава поднялся, посмотрел вдаль и сказал, не колеблясь:

— Собирайся, Бэл. Тебе пора.

* * *

— Не, ну это жесть! — ругнулся водитель джипа, на что Бэл резко открыл глаза и глянул в окно. Растерявшись, потер лицо, спросонья, в непонимании вглядываясь в молочно-туманную даль. Водила же топнул по тормозам, машина чуток зашла в занос, но послушно встала.

— Тэк-с, ща глянем! — сказал он сам себе. Небрежно накиннул на голову потрепанную бейсболку и, хлопнув дверями, резво выпрыгнул наружу.

Бэл, не раздумывая, тут же следом открыл свою дверь и, уже собравшись делать прыжок, озадаченно замер, глядя на сероватый плотный снег, равномерно покрывающий землю. Осмотрелся и присвистнул. Сколько видел глаз, расстилалась ровная снежная равнина, волглым туманом соединяясь с тяжелым низким небом. Открывшийся завораживающий пейзаж своими размытыми очертаниями больше напоминал вид Северного полюса, чем утреннюю июльскую Камчатку.

Спрыгнул. Присел на корточки и потрогал поверхность. Снег был холодный и плотный, ледяным настом.

— Не сумлевайся, самый что ни есть настоящий, — сказал подошедший водитель. — Посторонись, боец, дай-ка колеса приспущу, шоб, значит, сподручнее катить было, да не завязли. Еще пара часов, и распогодит — солнце сильное, летнее. Тает бодро, быстро раскиснет.

Бэл отошел, наблюдая, как проворный мужичок сноровисто стравливает воздух с шин и, слюнявя палец, проверяет золотники. Когда последнее колесо, по его мнению, было готово к переходу, распрямился и с серьезным видом спросил:

— Знаешь, что в джипинге главное, боец?

Бэл отрицательно качнул головой.

— Не потерять джип! — хохотнул водила и полез за руль.

— Шутник, твою дивизию, — бормотнул Бэл и тоже сел в машину.

— Граждане туристы, прошу не беспокоиться! Начинать паниковать только по моей команде! Меня, кстати, Витьком зовут, — водила по-шутовски приподнял кепку.

Сидящая на заднем сиденье пара пожилых японцев тут же переглянулась между собой.

— Вить, они по-русски-то понимают?

— Не-а! А ты, браток, лучше кофею из термоса нам плесни. Бусурмане уже позавтракали, а у меня распорядок иной, — и, быстро набирая скорость по целине, добавил уже себе: — Ну что, погнали, нето дорога дальняя, а здесь, главное, успеть.

Бэл, довольный предложением, аккуратно разлил в пузатые крышки горячий кофе, стараясь не облиться при движении, передал водителю и сам отхлебнул. Машина подпрыгнула на ухабе, и японцы что-то щебетнули.

— Да нормуль все будет, товарищи хиросимцы. Пиндосов бойтесь, а не наших дорог! — пробасил Витя, попивая кофе и подруливая одной рукой. — Мы же на вашем автопроме едем, чё нам будет?

— Чего они?

— Да бояться, сердешные. Не принято у них на скорости напитки откусивать. А чего такого? Поехали на Камчатку, значит, пусть прочувствуют весь местный колорит. А ты, значит, у Славы с Варварой Максимовой отдышал? Сослуживец, что ль?

— Так точно.

— Красавец. Служишь?

— Есть такое.

— А я отпахал свое. Старший прапорщик запаса Сиболоб Виктор Владимирович. Вот такие дела, браток. Пенсионствую, значит, ну и чтоб не затосковать, гидством вот занимаюсь, туризмом по-нашему. А чё, хорошо. Лишняя копейка. Иностранцев вот смотрю. Занятные они. Чего сюда едут, сами, по-моему, не знают. Ну да наше дело: сел — поехал. Видишь, и тебя удачно подхватил на станции. Так-то я к Славе и не собирался в ближайший месяц. До него ныне еще то удовольствие ехать, дорогу размотало сильно. Ты-то как до них добрался?

— Героически, — хмыкнул Бэл.

— Эт по-нашему! Ну а я, прикинь, вечерком нажарил сковородку минтая, только решил рюмочку усугубить, а тут Люська, директорша, значит, фирмы нашей, звонит и чуть не в слезах уговаривает свозить этих доходяг до гейзеров, до горячих источников. У Палыча, сменщика мово, вишь, машина еще днем наелась, починиться не смог, а японцы уже забашляли. Я ей, типа, не пройду, машина слабее, чем у Палыча, а мне в ответ — двойной тариф. Прикинь, сколько они с интуристов слупили, ну да а мне чё — платют и добро. Бог пехоту любит.

— Слушай, товарищ старший прапорщик, открой военную тайну, а у тебя хоть представление имеется, куда мы мчим посреди снега и тумана на полной крейсерской? — Бэл пил кофе, оглядывая просторы, на которых не было не то что приметных мест или указателей, а и самой дороги тоже.

— Есть. Правда, приблизительное. Но ты ничего, паря. Тут главное, чтобы мы проскочить успели, пока солнце высоко не поднялось и горная река не вскрылась, да не затопила тут все к чертовой матери. Внизу, напарник говорил, разлилось уже. Лето. Таютя снега. Ну да где наша не пропадала, а?!

— Наша пропадала везде, — буркнул спецназовец и поежился.

— Ой-ей! — крикнул Виктор и топнул по тормозам. Бэл все-таки облился кофе, ругнулся, отряхиваясь, но водитель уже вылез из машины и озадаченно ходил перед капотом, судорожно вглядываясь вперед. Старики сильнее прижались друг к другу. Бэлу стало необъяснимо их жаль, и

он, решив успокоить и приободрить, обернулся, пытаясь изобразить свою самую обаятельную улыбку во все лицо, но, видимо, своим натянутым оскалом напугал японцев еще сильнее, потому что они начали быстро непонимающе моргать. Тогда он махнул рукой и вылез из машины. Подошел к Виктору и остолбенел, ошарашенно разглядывая проносившийся перед ними поток воды, который с веселым бурлением преградил дальнейший путь по диагонали.

— Ну вот, — водитель вскинул руки, указывая на все это великолепие, как будто Бэл и без этого не видел, что «вот». Затем почесал затылок под бейсболкой и, посмотрев на попутчика серьезно, спросил:

— Может, не будем здесь форсировать, а? Боюсь, стащит, а там ниже кратер. Бухнемся, костей не соберут.

— Витя, ты серьезно, что ли? Куда здесь лезть, поток будь здоров! — озадаченно кивнул Бэл. — Для наших мест эта преграда непроходимая.

— А что мы делаем, боец, с непроходимыми преградами? Правильно, с волшебным словом преодолеваем. Ладно, поехали, поищем брод.

— А это реально?

— Ты чего, воин? Здесь все реально. Это же Камчатка. Не кипишуй, Бог любит пехоту.

— И нашу роту, — ощущая не самые добрые предчувствия и внутренне готовясь к везу приключений, Бэл полез в машину.

Виктор не обманул его предчувствия. Через полчаса метаний по снежной равнине они все-таки завязли. Пришлось отключать машину и толкать ее с пассажирами-японцами, которые наотрез отказались вылезать из джипа. Упираясь спиной в грязный корпус, мокрый от воды и снега, Бэл размышлял, есть ли это знак, что нет ему дороги к Ветле, или все это лишь местная особенность передвижения. Машина с раскачки вылезла и тут же, через несколько метров, снова завязла в размокшем снегу.

— Да ты издеваешься! — в сердцах крикнул он.

Но через несколько минут машина все-таки выгробла на более твердую поверхность и он, кляца зубами от холода, наконец-то залез в теплый салон.

— Давай-ка, мастер-класс, чтобы дальше без историй про репку, деду и прочую хрень.

— Постараюсь, но тут — как дело пойдет. А вон и вроде как земля нарисовалась.

Впереди действительно появились темные силуэты сопок.

— Там снег сошел, полегче пойдём.

Полегче не пошло, и уже через час Бэл толкал джип в размякшей жиже, подспудно вспоминая, сколько он вот так перетолкал различного транспорта в грязной пластилиновой зимней Чечне. Виктор предусмотрительно расстелил на его сиденье полиэтиленовую накидку, чтобы не испачкать пошарканный велюр во время переезда от одной условно-проходимой преграды до другой, менее проходимой, и лично наливал ему кофе по возвращении в салон, в знак уважения за подвиги во имя международного туризма и окружающей красоты.

Солнце поднялось, туман растаял, и открывшиеся виды вновь поражали величием и грандиозностью. Кофе с каждым выходом для физической помощи детищу японского автопрома становился все вкуснее, и уже на грани «божественного напитка» Виктор сообщил, что через перевал их пути будут расходиться: он с уже не на шутку перепуганными туристами поедет налево к водопадам, а Бэлу дорога направо, раз уж так приспичи-

ло ему шагать в сторону Мутновских вулканов. Лично Виктор и дальше готов был взять с собой такого замечательного попутчика, но Бэл категорически отверг приглашение. На прощание японцы, видимо, уже покоровившиеся возможному факту собственной гибели на чужбине, обреченно, но достойно кивнули, а прапорщик, махнув рукой, крикнул:

— Бывай! Бог любит пехоту! — и захлопнув дверь, рванул дальше, выкидывая из-под колес комья грязи.

— И нашу роту! — прокричал вслед Бэл и бодро, чтобы не замерзнуть в промокшей грязной одежде, зашагал в указанном направлении.

* * *

Еле приметная тропа начала резко забирать вверх. Бэл шел, периодически спотыкаясь и проваливаясь в размякший снег. Начала сказываться усталость от насыщенного дня и раннего подъема. А вокруг ни души. Только скалы будто наблюдали за ним в парении курящихся фумарол. Разгоряченный от перехода, он все равно стал зябнуть. Холод поднимался от промокших насквозь ног по позвоночнику и, покалывая, растекался по телу. Даже есть не хотелось от утомления. Хотелось переодеться в сухое и отдохнуть, но раздеваться среди снега, на восхождении, не было ни смысла, ни желания.

До хребта, к которому он стремился, было вроде бы недалеко. Для несведущего человека — рукой подать. Но Бэл знал цену этой кажущейся близости. Надо будет прилично выложиться, прежде чем он сможет полюбоваться открывшимся простором и определиться с дальнейшим направлением движения. А вот затем, на спуске, можно будет и переодеться, и перевести дух. Сейчас же от быстрого восхождения в голове неприятно звенело, а перед глазами плавали черные пятна.

В очередной раз споткнувшись, завалился на колено, постоял в задумчивости и вдруг рассмеялся, позабавившись своим немощным видом. Хорош «пес войны», спекся на простом подъеме. И ведь это даже без боекомплекта! Он представил на себе родной АК, и, на удивление, это видение не отяжелило его, а наоборот, как будто включило какое-то резервное третье дыхание. Стреб в ладонь серый от вулканической пыли снег и прижал к потрескавшимся губам, втягивая ледяную влагу с привкусом серы. Протер лицо и сразу понял, как сильно обгорел на солнце. Накинул капюшон и заставил себя идти дальше, представляя, что он не на отпускной прогулке, а на боевом выходе, и эта заученная с годами службы рефлексорика помогла, нацелив на достижение поставленной задачи.

В нескольких десятках метров от намеченной высоты снег сошел, но подниматься по осыпающейся вулканической породе оказалось ничуть не легче, а в разы сложнее. Ноги постоянно скользили, не находя устойчивой опоры, и местами приходилось подтягиваться, держась за живые, качающиеся камни, каждый раз рискуя сорваться и, обдираясь, покатиться вниз. Его даже стало подташнивать от представившейся перспективы начать подъем заново. Да и не факт, что, случись такое, он бы нашел в себе силы на второй заход. Он не удержался и посмотрел вниз. По снегу тянулась одинокая цепочка его следов. Если при падении, не дай бог, еще что-нибудь сломать, шансы на спасение окажутся совсем нулевые. Зачем он полез сюда? Что ему надо от этой загадочной Ветлы? Какого спасения? Да и правильно ли идет?

Почему-то именно сейчас ему отчетливо показалось, что он сбился с пути, неправильно определив направление. От этой незваной мысли кинуло в жар, он замер и тут же незамедлительно стал сползать по склону, скользя по раскрошенной пемзе. Хватаясь за камни, изо всех сил пытался затормозить, пока оползень не набрал скорость, но камни легко выкрашивались из породы, с укоризненным перестуком слетая вниз. Он больно ударился коленом, и боль словно придала сил, прояснив сознание. Рывком выхватил из ножен нож и вонзил его по рукоятку в струящееся тело горы.

Движение замедлилось, и постепенно он смог остановиться. Сердце, пульсируя, билось в висках. Саднили окровавленные пальцы, подергивало ушибленное колено. Посмотрел наверх, оценил потерянное преимущество и со стоном уткнулся лбом в склон. От бессилия хотелось орать благим матом. Удержался от этого соблазна. Силы были нужны. Отдышался и на счет три начал вновь практически вползать по крутому склону наверх, стараясь не повторить предыдущую ошибку. И когда он почти рывком втянулся на хребет, позволил себе с блаженством распластаться на безжизненной земле, глядя на расстилающиеся по ту сторону, ниже по уровню, облака.

— Главное, что не холодно, — подбодрил сам себя Бэл и подмигнул виднеющемуся вдаль Ключевскому вулкану.

Довольно быстро он продрог из-за сильного, резкого, пронизывающего ветра, который вольно гулял по хребту. Бэл с усилием поднялся, осмотрелся, ища более-менее пригодный спуск, с радостью в душе понимая, что не ошибся в пути, не сбился с намеченного курса. Выбрав дальнейшее направление движения, он заметил находившееся недалеко небольшое курящееся желтоватым дымом плато, закрытое от ветра. Там-то Бэл и решил отдохнуть перед решающим рывком.

Спускаясь, почувствовал, как сильно забил мышцы ног, поэтому первое, что он сделал, дойдя до привала — потрогал породу. Она была теплая, почти горячая. Бэл сел, с наслаждением вытянув ноги, согреваясь и любуясь причудливыми изгибами поднимающегося желтоватого пара, который с шипением вырывался из-под земли. Наконец-то, впервые за этот долгий день, ему стало тепло, хорошо и покойно. Почти райское безмолвие, физически ощутимое удовольствие от долгожданной передышки, когда мышцы с внутренним стоном расслабляются, скидывая накопившееся напряжение, а в голове не остается мыслей, тревог и забот...

И он совсем не удивился, когда посреди этой сказочной красоты из дымки к нему вышла Маринка в каком-то странном «пустынном» камуфляже. Подошла и села напротив, скрестив ноги и положив автомат поперек колен.

— Привет, Маринка! Не знал, что ты тоже на Камчатке. А я вот у Валдая был. Он тебе привет передавал. Ты чего, тоже в отпуск приехала?

Но Маринка вдруг молча вскинула автомат и дала очередь, метя ему в лицо. От разорвавшей тишину стрельбы он резко дернулся и очнулся, ошалело глядя на место, где сидела Маринка, но только серный дымок по-прежнему клубами витал перед ним, то закручиваясь в спирали, то устремляясь ввысь.

Он несколько раз мотнул гудящей головой, стараясь отогнать привидевшийся морок. Во, дурак! Уселся у фумарол отдыхать. Ведь предупреждал Славка, что рядом с ними можно до смерти надышаться! Вот это была бы звезда рулю!

Бэл поднялся на отяжелевшие ноги и, закашлявшись, подхватив рюкзак, начал быстро, насколько это было возможно, спускаться, хватая ртом чистый, сладкий воздух, пытаясь выдохнуть из себя едкий запах серы.

* * *

Давно он не чувствовал себя столь разбитым. Усталость разлилась по всему телу, замедлив мысли и забив мышцы до боли. В голове пульсировала единственная цель — надо во что бы то ни стало дойти до дома Ветлы. Он шел практически на автопилоте, наугад выбирая направление движения в разлившейся темноте. В глубине леса хрустнули сухие ветки. Бэл внутренне напрягся, нарисовав в воображении образ голодного медведя, и тут же вспомнил, что надо делать при неожиданной встрече — поднять над собой на вытянутые руки рюкзак, начать прыгать и орать во всю мочь, и вот тогда, скорее всего, медведь, покрутив лапой у виска, просто уйдет восвояси. Представив все это действие, Бэл вымученно усмехнулся и буркнул себе под нос:

— Да ну его на фиг...

Не было у него сил ни прыгать, ни орать, даже рюкзак он не то что поднять, скинуть быстро не смог бы, так что пусть жрет косолапый его вместе со шмотьем. Поэтому повторил уже громче в сторону непроглядной ночной темноты леса:

— Да, по фиг!

Это же надо за какие-то сутки полностью обнулить все силы! А где же годами наработанная подготовка?

Зашумело ближе, и Бэл отметил, что какой бы он ни был замотанный, а шаг все же прибавил, хотя и понимая, что это вряд ли поможет, если рядом реальный медведь. Впереди среди ветвей блеснули огни, и это всколыхнуло радость, которая послужила допингом для его требующего отдыха тела. С удивлением отметил, что еще немного, и он побежит, подгоняемый то ли страхом, то ли жаждой встречи.

Сухостой затрещал совсем рядом, и он, понимая, что не успевает, вдруг ощутил страшное разочарование от того, что не дошел до таинственной Ветлы всего несколько сотен метров. Досада накатила на него, поднимая лютую злобу, высвобождая еще один скрытый резерв под названием «биться из последних сил».

Он обернулся на звук, пытаясь осветить фонарем зверя. В ответ из тьмы жутко блеснул желтый отсвет звериных глаз, и в следующую минуту, осторожно ступая, на свет вышла черная собака.

Бэл облегченно выдохнул:

— Собака! Ну, ты даешь! Я чуть... Э, да ты же Пуля, да?

Черная овчарка, услышав свою кличку, вильнула хвостом и подошла к человеку, позволив погладить ее по голове:

— Хорошая! Веди меня, девочка, к своей хозяйке. Домой, Пуля!

Собака, услышав команду, побежала вперед, периодически останавливаясь и проверяя, успевает ли за ней незнакомец.

Бэл старался изо всех сил не потерять из виду своего проводника, и меньше чем через полчаса они вышли к стоящей на поляне добротной избе. Собака, виляя хвостом, взбежала на крыльцо, на котором Бэл различил фигуру, еле видимую в сумерках.

— Здравствуйте, извините, что поздно. Я Ветлу ищу.

— Считай, что нашел, — услышал он приятный женский голос. Дверь приоткрылась, оттуда полился теплый уютный свет, приглашая войти.

В доме, в гостиной, Бэл осмотрелся. Было не по-деревенски уютно: камин, удобные кресла, круглый журнальный столик и небольшой торшер с теплым светом, а еще множество фотографий и книг.

— Чай будешь? — без обиняков спросила хозяйка.

Бэл утвердительно кивнул, пытаясь украдкой получше разглядеть ее. Ничего сверхъестественного — рост средний, фигура худощавая, глаза веселые, стрижка короткая, возраст... А вот с возрастом было сложнее. Вроде и не молодая, но и не обабилась, не было в ней ни девичьей кокетливости, ни женской основательности. Было спокойствие, а значит, была и сила.

— Ну что, хорошо рассмотрел? — улыбнулась она, поймав его взгляд.

Он смутился, как будто его застали врасплох. Она же кивнула на кресло:

— Садись.

— Грязный я, испачкаю все.

Она лишь махнула рукой:

— Не беспокойся. Садись, пей чай.

Он прошел, осторожно ступая по чистому полу. Сел на самый край кресла и взял протянутую кружку. Видимо, с устатку чай ему показался необычным, полным незнакомых оттенков. Он даже на мгновение прикрыл глаза, наслаждаясь вкусом и наступившим наконец моментом отдыха.

— Давай знакомиться. Меня Ветла зовут. Собаку — Пуля. Ну да ты, видимо, знал, куда шел.

Бэл с трудом открыл отяжелевшие веки, но собрался и ответил:

— Знал. Я — Бэл, сослуживец Валдая. У него гостил, они с Варей про тебя и рассказали.

— И?..

Бэл почувствовал себя нереально глупо, ведь ответа на это «и» у него на данный момент не было. Поэтому он лишь развел руками:

— А ты, красавица, сначала добра молодца накорми, напои, да спать уложи, а утром расспрашивай!

Ветла прыснула:

— Ишь, выкрутился! Так что же, добрый молодец, кормить тебя или сразу спать пойдешь?

— Спать, — утвердительно кивнул Бэл. — Извини, что гость такой несуразный.

— Какой есть. Пойдем, в предбаннике переночуешь. В бане тепло, вода горячая есть. В общем, разберешься, вижу — не маленький.

В баньке было хорошо. Пахло разнотравьем, пучки которого сушились в предбаннике, подвязанные у потолка. Он разложил на скамье спальник и наконец-то лег, благостно вытянувшись во весь рост и откинувшись на набитую соломой подушку.

«Вот я и здесь», — промелькнуло в голове, прежде чем он провалился в глубокий сон без сновидений.

Отсыпался, как обычно после изнурительных выходов, до обеда. За секунду до пробуждения навалился внезапный страх, что он все-таки не добрался до цели, а лежит в забытьи на горе, отравленный серными парами. Окаатило волной жара, заставив мгновенно открыть глаза... Нет, до-

шел! Бэл облегченно вдохнул и поднялся с лежанки, окончательно придя в себя. Затем основательно привел себя в порядок и вышел во двор, залитый ярким солнечным светом.

— Доброе утро! Как спалось? — услышал он доброжелательный голос.

Огляделся, но после сумрака предбанника не сразу разглядел стоящую у самого леса беседку, в которой сидела Ветла, читающая книгу. Рядом лежала Пуля, внимательно наблюдающая за Бэлом. Он убрал от глаз руку и, поздоровавшись, пошел к ним. Овчарка встала, приветственно но замахав хвостом.

— Я смотрю, ты сегодня свеж и бодр, — заметила Ветла.

— Есть такое, не без твоей помощи, хозяйка, — Бэл весь лучился добродушием. Почему-то сейчас ему казалось, что все самое тяжелое позади.

Ветла усмехнулась и кивнула в сторону стоящей рядом с беседкой уличной печки:

— Наливай кофе, в тарелке лепешки, завтракай.

Он подошел, налил в кружку кофе из большого медного кофейника, взял лепешку, подумал и сразу взял еще парочку и, не оборачиваясь, спросил:

— Ветла, тебе тоже кофе налить?

— Налей.

Улыбнулся — значит, разговор склеится, и, проворно налив еще одну кружку, пошел к столу.

— Не знаю, с какого места рассказывать, — начал он, но Ветла его перебила:

— Начни с главного, а там видно будет.

Он задумался, отхлебнул кофе — натуральный, сваренный на живом огне, с добавлением каких-то специй.

— Хороший кофе.

— Это основа напитка. Вот ты сидишь и пьешь его здесь, почему?

— Наверное, потому, что сломалось во мне что-то, а вот что — понять не могу. Когда слушал рассказы Славы и Вари, внутри как струна натянулась и звенела все четче, что надо с тобой повидаться. Вот я здесь, а дальше твое дело — гнать или помогать, я без претензий.

— Тут так с ходу не скажешь. Разбираться надо. Только все дело в том, насколько ты захочешь разбираться, где точно боль лежит.

И уловив его готовность кивнуть, добавила:

— Прежде чем скоропалительно согласишься, вспомни про то, что Варвара тебе рассказала. А после этого еще раз подумай. Обратного пути не будет.

— Да у меня его и так нет.

— Сейчас — есть. Можешь кофе допить, да обратно к друзьям возвращаться.

— Нет. Не могу так больше жить. Не хочу.

— Смотри сам. Только уговор, заистериишь — сразу расстанемся.

Бэл даже головой дернул:

— Да я вроде к истеричкам не отношусь...

— Ты поймешь, про что я.

— Готов я, Ветла. Не знаю, к чему, но с открытой душой говорю, не играя в браваду. Будь что будет.

— Хорошо.

Она посмотрела на собаку, и та вдруг забеспокоилась, заскулила. Ветла погладила ее по голове, шепнула что-то неразборчивое, Пуля послушно легла, не сводя глаз с хозяйки. А она кивнула Бэлу на стул:

— Садись ко мне спиной, ничего не бойся, я рядом буду. Просто слушай и все повторяй.

— Как, вот так сразу? — удивился гость.

— А чего тянуть? Я так понимаю, Валдай тебе рассказал, как перемещение проходит?

— Да, и Варвара тоже.

— Ну и славно. Поэтому, если что объяснять понадобится, это лучше после делать. А теперь давай посмотрим, куда нас твой мир заведет.

Бэл пересел на стул и закрыл глаза, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Ему было спокойно. Рядом пели птицы. Теплый ветерок тербил футболку. Он не чувствовал ни опасности, ни тревоги. Слушая ее голос, тихий, размеренный, вроде как даже задремал, и вдруг словно под лед провалился. Обожгло холодом. От неожиданности открыл глаза и оторопел. Не было вокруг ни поляны, ни беседки, ни летнего дня. Сумрак, промозглая стынь расстилалась, сколько охватывал глаз. Прямо перед ним чернела полынья с разломанными краями, и ни души.

— Где я? — спросил он, озадаченно озираясь.

— Не знаю, — прозвучал совсем рядом голос Ветлы, и от него стало спокойнее. Окружающий вид был безрадостный, но не пугающий, как он этого ожидал.

— Что мне делать?

— Что это за вид? Где ты такое видел?

— Не помню. Мест таких убогих не видел ни разу.

— Ну, тогда о чем этот вид тебе может напоминать, о ком?

— О ком... — и тут его будто обожгло, и он выдохнул, — Маринка!

В тот же миг ледяной, пронизывающий ветер подул, поднимая по черной воде рябь. Лицо обожгло холодом. Дышать стало трудно, колко. Бэл зябко поежился, оглядываясь в поисках Марины, но вокруг было прежнее безлюдье. Только вдали появился огромный черный силуэт собаки, она зыркнула в его сторону светящимися зелеными глазами, словно через ночной прицел, и вдруг, вскинув морду, завывала тоскливо и протяжно. Бэл вздрогнул и отступил на шаг.

— Все. Уходим, — тут же сказала Ветла, и он с облегчением закрыл глаза, открыв их уже среди солнечной теплой реальности.

Напротив сидела Пуля, глядя на него совсем не страшно. Он натянато улыбнулся:

— Это же ты была, Пуля?

Собака вильнула хвостом, словно подтверждая его догадку.

— Напугала опять меня, — Бэл протянул руку, чтобы погладить ее, но Пуля увернулась и отошла. Он растерянно глянул на Ветлу. Та смотрела на него внимательным, серьезным взглядом.

— А вот теперь рассказывай.

— Что? — не понял он.

— Кто такая Маринка и что между вами случилось, что она к тебе выходить не захотела.

— Мне бы не хоте... — начал Бэл, но Ветла его бесцеремонно оборвала:

— Либо рассказывай все как есть, либо сеанс помощи завершен, и живи дальше как хочешь.

Бэл уставился вдаль, отметив, что день сразу как-то потускнел, потеряв былые краски и легкость.

— Служили мы с ней вместе... — начал он.

— Служили мы с ней вместе. Хорошая была девчонка, веселая. Чуткая, бесшабашная, но без этого в спецназе делать нечего. В общем, пришел нам срок в командировку ехать на Кавказ. Она тоже в списке была. Но так получилось, что не поехала. Пришла проводить уже перед самой погрузкой, каждому по монетке дала, типа, теперь мы не имеем морального права погибать, не вернув ей долг. А по возвращении из командировки она уже нас не встречала, так в долгу у нее и остались. Командир рассказал, что Маринка по весне в лесу у реки гуляла и увидела, как пацанок под лед провалился. Побежала спасать, да лед уже тонкий, в промоинах стоял. Проломился. Да только это Маринку не остановило, не такая она была. До мальчишки доплыла, за куртку его на поверхность вытянуть смогла, а самой уже сил не хватило. Вот такая в отряде потеря оказалась. А самое обидное, что у нас в той командировке была тишь да гладь, полгода, можно сказать, в расположении просидели. Смех вспомнить, ни единого выстрела не сделали. Вот ведь какой казус. За нас переживала, а себя не уберегла. Такая, значит, история...

— История, говоришь? Ну-ну... — недобро усмехнулась Ветла. — Расскажи, почему она в командировку не попала. Только давай, золотой мой, уговоримся, без украшательства. Ты постарался?

Бэл обреченно кивнул:

— Я...

— Рассказывай, — Ветла скомандовала довольно жестко.

— Не знаю, что на меня тогда нашло. Но когда узнал, что она с нами должна ехать, как что-то во мне вздыбилось. Пошел к командиру и уговорил ее не брать. Что говорил, тоже рассказывать?

— Не надо. А она что?

— Когда узнала, что ее не берут, развернулась и спокойно вышла из расположения. Ушла на запасное крыльцо. Уже там дала волю чувствам, разревелась. Одна сидела. Никто к ней тогда не подошел. Парни просто не знали, что сказать, а мне было стыдно, что вроде как наговорил на нее лишнего, а командир поверил. Я ведь думал, что он не слушает меня, а оно вон как вышло...

— Стыдно, говоришь, было? Не ври! Что чувствовал?

— Да как есть, говорю! — на Бэла вдруг накатило раздражение.

— А чего ты вдруг на подъем пошел? Выдохни. Мне врать смысла нет.

На это ответить было нечего — все видела, все знала... ведьма. Осталось только отвести глаза. Внутренний голос шепнул, предложил гордо встать, собрать вещи и уйти восвояси, но в душе вдруг защемило, отозвавшись колющей болью в груди.

— Права ты, не было стыдно, и жалко ее тогда не было. Злорадство какое-то друг плеснулось. Помню, как специально вышел посмотреть, что она делает, увидел, что в слезах сидит, и не удержался, усмехнулся.

— Почему тебе вдруг стало так важно, чтобы она не поехала?

— Не знаю... — и увидев недоверие в лице Ветлы, в неосознанном порыве даже руку к сердцу приложил. — Честно, не знаю. Накатило вдруг. Не могу объяснить, что тогда со мной было.

Скользнув взглядом по его руке в покаянном жесте, Ветла продолжила:

— Рябь по воде черная пошла, помнишь?

Бэл кивнул.

— Вспоминай, где ты рябь такую видел. Как вспомнишь — заходи, обсудим.

И она легко поднялась с кресла и пошла к дому. Пуля, не оборачиваясь, побежала следом, оставив Бэла в гнетущем одиночестве и тишине. Даже птицы перестали петь, отметил он. Но злость и раздражение ушли, и только щемящая боль где-то внутри осталась. Ему стало до невозможности грустно, как будто вернулся в свои детские пять лет.

* * *

Бэл стоял и мялся на крыльце, не решаясь войти, не понимая, откуда взялась эта неясная робость. Не пасовал он перед женщинами, а тут будто как ступор какой-то. И ведь не страшная она — Ветла, глотку не дерет, ядом не брызжет, да только смотрит так, как будто знает все наперед, и от этой пронизательности жутко становится. Не получалось ни приукрасить себя, ни приврать. А выходила на поверку вещь странная и неприятная. Ведь если посмотреть, что лежит в основе его поступков, то большинство из них с гнильцой окажутся. И вот от этого понимания стало Бэлу тошно. Позолота лихого спецназовца враз облетела, оголив неприглядный фасад какого-то постоянного нарциссизма, рисования и самолюбования. Удачи на себя быстро примеривал, а просчеты определял как чужой умысел. И ведь никогда он не думал, что смерть Маринки всецело на его совести. Почему-то, узнав страшную новость, подумал лишь, что вот ведь судьба-злодейка, никогда не знаешь, где смерть подкарауливает. После этого жизнь закрутила, завертела, не до возвышенных размышлений стало. Не первая это потеря за время службы, да и наверняка не последняя. Иллюзией про конец преступности не тешился, а значит, будет еще кровь литься. Кто знает, может, и его черед не за горами. Вот что тогда скажут о нем сослуживцы-товарищи? Нет, ну, понятно, речи будут красивы, а вот что подумают? Как между собой охарактеризуют его, лихого офицера? Скажут ли, сожалея, что был он отличным парнем? Или просто, что был таким как все, один из многих? А вдруг, что между нами, так себе он был?..

Дверь скрипнула, выглянула Ветла:

— Хватит самодетством заниматься, заходи.

И он с огромным внутренним облегчением перешагнул порог, с ходу заявив:

— Мне кажется, знаю я, откуда эта рябь, да только давно это было, и к нынешней истории не относится.

— Так знать бы наперед, откуда ноги растут, намного проще голове жить было бы, — задумчиво ответила Ветла и села в кресло. Бэл устроился напротив, отрицательно качнув головой на предложение чая и собравшись с мыслями, начал, как ему самому показалось, нести несурязицу, не имеющую отношения к делу.

— Мамка моя с батей поженились по молодости. Ох, и завидная пара, про них все говорили. Представляешь, она заядлая туристка, певунья и заводила, может, и не первая красавица на курсе в институте, но приметная. Парни внимание обращали. На свидание приглашали. Да она прямо говорила, что есть у нее уже любовь всей жизни. Тогда, видишь, верили люди в красивые отношения до гробовой доски. Ее поняли, когда она с женихом на танцы пришла. Высокий, статный, косая сажень в плечах, да и этого мало — появился он там в форме моряка. Моряка! Представляешь, в сухопутном городе это же фурур! Мечта девушек. То, что не совсем

моряк, а курсант речного училища — никто и не понял. В тот вечер они купались во внимании и завистливых вздохах. Свадьбу сыграли и зажили весело, легко, красиво. С любовью. Батя учебку закончил и его распределили в Пермь на сухогруз. Мама институт заканчивать в городе осталась, но это испытание только усилило их чувства. Встречались — каждый раз как новый. Бежали по друзьям, по гостям, в походы ходили, по разным городам путешествовали, отец хорошо зарабатывал. Мама после института тоже в Пермь распределилась в НИИ, так и жили, не тужили. Через два года дочку родили, а еще через три — я появился. Все вроде тоже шло замечательно. Зимой всей семьей то на лыжах, то на городской каток, то в театр, то в киношку рванем.

Но дальше все как-то исчезать стало. Мама за бытом осела. Работа — дом — работа всю легкость съели. Чуть располнела, может, даже немного на себя рукой махнула. А батя — как был красавцем-моряком, так еще вроде ярче стал, заматерел, в карьере рост наметился. В общем, помню я, как в нашей семейной дружной жизни какой-то скол наметился. Отец чаще в рейсы уходить стал, мама из-за этого то грустила, то плакала, то на отца срывалась, обвиняя в загулах. И вот однажды, после долгого разговора в закрытой комнате, откуда было слышно, как мама плачет и что-то с обидой выговаривает, отец вышел какой-то чужой, подошел ко мне, ладонью мазнул по голове и сказал: «Ну, бывай, старичок, ухожу я, значит. Но ты не переживай, видаться будем часто, так, что даже не заметишь, что что-то изменилось». Я же, толком не понимая, что происходит, спросил, куда он уходит и почему. А он в ответ как-то странно на меня посмотрел и сказал: «Вырастешь — поймешь». Потом накинул куртку и ушел. А я заплакал. Было мне тогда всего пять лет, но я четко понял, что папка ушел от нас, от меня, и что былая веселая жизнь кончилась. Из комнаты вышла зареванная мама, обняла меня, шепча, что все будет хорошо, но я-то знал своим детским умом, что не будет хорошо.

Жизнь и на самом деле как будто поблекла. Сестра больше к матери жалась, а я все ждал, когда отец вернется. Мама тоже вначале как будто бы его ждала. Вздрагивала на звонки в дверь и с надеждой бежала открывать, но это был не он. Отец вообще вновь появился в моей жизни только через несколько лет. Когда я шел не торопясь из школы, обычный такой, уже умудренный жизнью школьник, с дутым ранцем на спине. И вдруг меня как кипятком ошпарило — по другой стороне улицы шел батя, держа под руку очень яркую красивую женщину. Они что-то живо обсуждали и смеялись. Я сначала обмер, а потом рванул через улицу с восторженным криком: «Папа!» Отец обернулся, оставил свою спутницу и, сделав шаг навстречу, подхватил, высоко подкинув над собой. Ты даже не можешь представить, как я тогда был счастлив! Все дни, наполненные тоскливым ожиданием, простил ему только за то, что он позволил побыть с ним рядом. Тогда мы пошли в кафе. Отец закупил мне разных сладостей, а себе и спутнице взял кофе. И он совершенно не обратил внимание на ее недовольно скривленные ярко накрашенные губы. А я заметил. И внутри проскользнула едкая радость от мысли, что вот она должна смертельно обидеться на папу и уйти, тогда мы с ним пойдем домой, а там мама и сестра. Ох, и рады они будут! И все пойдет по-старому! Все снова станет замечательно! Но девица никак не уходила, и мое мороженое все-таки закончилось. На крыльце кафе отец опять потрепал меня по голове своей огромной пятерней и сказал: «Бывай, старичок! Увидимся!» И, подхватив под руку красотку, ушел. А я побрел домой.

Нет, тогда я уже не плакал. Большой ведь. Просто шел, как будто оглушенный. Придя домой, даже не сразу понял, о чем меня спрашивает мать. Правда, после этой встречи отец больше надолго не пропадал. Мы стали опять видеться. Он нас с сестрой забирал иногда в выходные дни и вел развлекать. Это было весело. Но если быть откровенным, больше всего мне нравились те встречи с отцом, когда сестра не могла с нами пойти. Вот это было настоящее счастье! Как будто отец принадлежал только мне.

Потом у мамы появился друг — дядя Гриша. Он был неплохой мужик, без искры, но порядочный. Всегда приходил в гости с цветами, как он говорил, «для дам», вручая гвоздички или хризантемки маме и сестре, а мне протягивал сверток к чаю. Меня кривило от его правильности. Ничего не мог с собой поделать. А вот сестра ничего, наоборот, потянулась к нему, к его прописной заботе. Я ей как-то зло ляпнул, что купилась на цветики-семицветики. Она меня дураком обозвала. Ну да мне было все равно, я вел глухую домашнюю оборону против дяди Гриши и продолжал ждать отца, который тогда уже капитаном стал! И пусть все того же сухогруза, но каково, а! На мое пятнадцатилетие, представляешь, он подарил мне настоящую кожаную капитанскую куртку! Меня же чуть кондрашка от счастья нехватила. Помню, я тогда подарок дяди Гриши, книги, даже раскрывать не стал. Напялил на себя папкин подарок и ходил так весь вечер, светясь, как лампа в люстре. Мама промолчала, но я видел, как ей горько и обидно, но это ничуть не омрачило моей безграничной пацанской радости. Как же я обожал отца!

А на лето он вдруг пригласил меня в рейс. С собой! Сестра тогда заныла, чтобы ее тоже взяли, но отец категорически отказал, сказав, что нечего молодой девушке делать на сухогрузе. Она в слезы, давай его уговаривать, но отец остался непоколебим в своем решении. На радость мне, кстати. Отец дал ей денег на летние развлечения в городе, она тут же успокоилась. А я пошел в рейс. И ты знаешь, ничего там сверхъестественного и романтического не оказалось. Рутинка. Скука длиной в несколько недель. В один из вечеров, свесив ноги с борта и разглядывая черную речную рябь, я понял, что точно не хочу быть моряком, но тут же вспомнил сестру, когда ей отказал отец, и расплылся в довольной улыбке. Отец — мой! А она пусть и дальше дружит с дядей Гришей. После того путешествия в рейсы я больше не ходил. Батя приглашал пару раз, но я под благовидными предложениями уваливал.

Время шло. После школы я для галочки закончил техникум и ушел в армию. По возвращении, недолго думая, рванул в спецназ. Вот где я смог себя реализовать, да так, что уже сам ловил восхищенные и полные тревоги взгляды отца. Он хоть и постарел, сдал некоторые позиции, но по-прежнему был хорош. Речной волк, капитан сухогруза! К маме он так и не вернулся, в итоге живет один, больше всего боясь грядущей пенсии. А я, хоть и вырос, но так и не понял его.

* * *

— Что же получается, что вот так просто все и глупо — сестра, Маринка... Взрослые поступки — родом из детства? — вслух размышлял Бэл.

— Получается, так. Ищем всю жизнь ответы на вопросы из бессознательного. Пытаемся опять испытать когда-то прожитые чувства — злость, радость, счастье, обиды... Да мало ли чего еще. Только за этими попыт-

ками конкретные поступки стоят, и вот за них рано или поздно расплачиваться приходится.

— Так подскажи мне, в какую кассу оплатить? — невесело усмехнулся Бэл.

— Разберемся, — ответила Ветла и, немного подумав, добавила: — Правда, далеко не все так просто в твоём деле. Есть заковырка.

— Что такое? — Бэл отметил, как противно заныло в груди.

— Да понимаешь, не было ещё ни разу, чтобы душа на встречу не вышла. Они такой шанс не упускают. А здесь Маринка точно знала, что ты пришёл, но не показалась. Почему?

— Так обиделась, — вздохнул мужчина.

— Не совсем так. Души обид не копят. Они ведь все под совершенно другим углом видят. Истинным. Прощать умеют. Любить. Жалеть. Разные они, но хорошие. У каждой души своя история, длиной в прожитую жизнь, но от близости к Богу они обретают другое разумение этого удивительного дара. Поэтому умеют, прежде всего, понимать, а вот чего не умеют, так быть равнодушными. Помнишь, как у Валдая было, когда он держал душу друга на перепутье, а она больше за него билась, терзалась его болью? А бывает, душа сама выбирает ждать тех, кого любит. Представляешь, иногда я их вижу во время перехода. Сидят тихонько у воды, смотрят в отражение и ждут своих. Они через воду за живыми наблюдать умеют. Такие трогательные. Когда мимо прохожу, приветствуют кивком или рукой помашут. Некоторые, правда, так созерцанием увлекаются, что даже не замечают меня. Так вот, сдаётся мне, что Маринка была легкой, да незлобивой, поэтому не понимаю, почему она не вышла к тебе. Но может быть, сейчас что-то изменится, когда ты и суть вроде уловил, и сожаление ощутил.

— Ещё один день у тебя в гостях, и пойму, что муки совести это не красивые литературные образы, — попытался пошутить Бэл, но получилось не очень весело.

— Ощутить настоящее раскаяние дорогого стоит. Это двери в совершенно другой мир открывает. Ну, это, как говорят, иная история. Что же нам сейчас делать?

— Своди меня ещё раз.

— Сейчас? — девушка вроде даже не удивилась.

— Да. Мне так захотелось увидеть Маринку... Сказать ей... извиниться хочу. Рассказать, что в честь нее Валдай дочку свою назвал.

— Ну что ж, тогда в путь.

* * *

Что-то неуловимое изменилось в унылой ледяной пустоши. Бэл, озираясь, вглядывался в пространство вокруг себя, но не мог понять, что. Та же мрачная бездушная стынь с разломом черной проруби. Та же рябь... Рябь! Бэл вдруг понял, что все окружающее пространство пришло в пока не явное, но движение. От темнеющей воды расходились еле заметные всплески, которые расползались в окружающее пространство, преломляя действительность. Колебания усилились, наполняя его неясным беспокойством. И вдруг он услышал отчетливый крик Маринки:

— Беги!

Вздвогнув, обернулся с надеждой, но не увидел никого, кроме поднимающейся у него за спиной огромной бесформенной тени. В следующую

секунду, повинужь наработанным рефлексам, он сделал шаг в сторону и, выхватив из набедренной кобуры пистолет, всадил в разворачивающуюся Нечто всю обойму. Тень заколыхалась подобно черной воде и с ревом кинулась на него, словно огромная волна, пытаясь накрыть с головой. Бэл шархнул, заваливаясь на спину, в холодящем ужасе увидев, как волна эта трансформируется в разинутую, наполненную сотнями зубов пасть чудовища, готового в следующую секунду вцепиться в него и поглотить без остатка. Он попытался перезарядить оружие, но патрон пошел в перекос, ввергая душу в безнадежное предчувствие неминуемой беды. Хотел закричать, но от безотчетного страха перехватило дыхание. В этот миг отчаянья и жутки между ним и черной химерой, закрывая собой, оказалась Ветла, в движении вскидывая автомат и разряжая в темноту целый магазин трассеров, крича ему сквозь рев разрываемой черноты, чтобы он уходил, открывал глаза.

Но он не мог. Не получалось оторвать взгляд от этой всепоглощающей, вспоротой стрельбой мглы, которая с визгом билась ранеными всполохами, но рваными краями по-прежнему пыталась его ухватить, утащить, задушить. И как в дурном сне, у него совершенно не осталось сил, только ступор и изнеможение. Тем временем Ветла перезарядила магазин, со звонким железным лязгом дослала патрон в патронник и вновь до упора вжала спусковой крючок, направляя из ствола светящийся пунктир целеуказания в черноту. Обернулась к нему, пытаясь дотянуться, чтобы выдернуть из оцепенения, но тут же была пронизана то ли черным клинком, то ли клыком, который материализовался из плавающей мглы. Она вскрикнула, удивленно посмотрела на Бэла, опустила автомат и начала медленно оседать. В тот самый миг, когда Ветла упала, а Бэл еще раз вслух проговорил, что все это ему снится и надо лишь проснуться, чтобы вынырнуть из окружающего широкомасштабного кошмара, Чернота реактивным движением ухватила его за правую руку, мгновенно погрузив в себя всю кисть. Тут же он почувствовал, как безжизненный холод стал подниматься от кончиков пальцев, наполняя тело. При этом что-то беззвучно нашептывало принять все как есть, просто позволить Тьме забрать его с собой, перестать трепыхаться и спокойно умереть здесь и сейчас, как он мечтал. Ему просто надо отступить, сдаться, сделать шаг навстречу Темноте, и со всеми горестями и страданиями жизни будет покончено раз и навсегда.

Голову кружил дурман, подавляющий волю к сопротивлению. Мышцы стали словно ватные. Собравшись из последних сил, Бэл смог лишь отклониться от Темноты, с сожалением понимая, насколько это бесполезно. По щеке заскользила одинокая слеза запоздалого раскаянья, и вдруг, почувствовав всю горечь, всю боль от того, что совсем не осталось времени на исправление ошибок, он закричал в голос, надрывая жилы, пытаясь вырваться из черного плена.

И вторая человеческому крику, из ниоткуда, с ревом выскочила громадная черная псина, по размеру не уступающая колыхающей Тени, и без промедления вгрызлась в смолянистую рябь. Тень заколыхалась, пытаясь вырваться из собачьих зубов, но Пуля свое дело знала. Она билась с остервенением бойцовой собаки, не признавая ни окриков, ни боли, нацеленная на победу, на вкус крови поверженного противника. Тень стала проминаться под ее натиском, истаивая и распадаясь, разлетаясь на мгновенно испаряющиеся брызги.

Тварь была повержена! Бэл ощутил, как тут же прояснилась голова,

появились силы встать и снова двигаться. Тело, мысли вновь были подвластны ему, но он, опрокинутый на спину, несколько раз осторожно вдохнул-выдохнул, до конца не веря в собственное спасение. Затем тяжело поднялся на негнущиеся ноги и тут же увидел лежащую в крови Ветлу. Сердце зашлось болью. Бэл кинулся к девушке, но как только прикоснулся к ее телу, его словно пронзил удар тока... И он очнулся в доме Ветлы, в кресле.

Озадаченно взглянул на свою руку — от нее поднимался пар, как будто он выдернул ее из кипятка, но пальцы изнутри разрывал холод. С тревогой перевел взгляд на соседнее кресло, на Ветлу, ожидая увидеть расползающуюся кровавое пятно на груди, но крови не было, как не было и самой раны. Ветла была жива, хоть и выглядела плохо. Бледная, с испариной на лбу, с залегшими под глазами синяками, она была словно тяжело больна. Или все-таки ранена? Девушка медленно открыла глаза и, встретившись с ним взглядом, вымученно улыбнулась:

— Видишь, как оно бывает. За все приходится платить.

Каждое слово давалось ей с трудом. Тяжело поднялась, тут же качнулась и чуть не упала. Бэл подхватил, удерживая, поддерживая, помог дойти до дивана, где она легла и сразу же провалилась в болезненный беспокойный сон. Он бережно укрыл Ветлу пледом. Постоял немного рядом, ошарашенный, подавленный произошедшим, и тихонько вышел. Ему просто необходимо было вдохнуть свежего воздуха и осознать, что же такое произошло с ними.

* * *

Вечером вернулась Пуля. Бесшумно вышла из сумрачного леса, подойдя к сидящему на крыльце обессиленному Бэлу, лизнула ему кисть, села напротив, беспокойно глядя прямо в глаза. Бэл удивленно сжал-разжал пальцы, пораженный тем, что ледяная ломота вдруг пропала. Рука наполнилось теплом и прежней силой. Он с благодарностью потрепал собаку по голове. Она вильнула хвостом и толкнула его мордой в сторону двери. Бэл тут же понятиливо поднялся и приоткрыл дверь:

— Иди, вылечи свою хозяйку!

Пуля скрылась в доме, а Бэл в нерешительности медлил, поймав себя на том, что ему страшно. Непонятно, немотивированно, глубинно. Не получалось принять эту потустороннюю жуть, поверить в реальность случившегося, но перед глазами вспыхивали видения то бритвенных сверкающих зубов-шипов, то распахнутая пасть-волна, а в ушах стоял проникающий в него свистящий шепот.

Что же это? Галлюцинация, морок, видение? Не было в реальности при нем оружия, так откуда появились и кобура, и переклинивший пистолет? Что это за Тень, неужели Маринка? Нет! Он прекрасно помнил ее пронзительный предупреждающий крик: «Беги!» Ведь если бы он тогда не обернулся, то, скорее всего, все кончилось бы быстро. И тут же вспомнил ужасную рану, которую получила Ветла во время битвы. А в реале ранения, получается, не было. Но что-то же было?!

А главное, как ни уговаривал он себя, как ни убеждал последние несколько часов, проведенных на крыльце, что все это лишь какой-то хитрый психоделический сон, все равно у него никак не получалось вынырнуть из состояния растерянности и бессилия. Ему было тошно от понимания своей беспомощности, какой-то никчемности, что ли. Он, воин,

оказался не готов к подобному развитию событий. Он был жалким! И осознание этого было невыносимее всего. Второй раз за день его самооценку сильно потрепали. Да лучше бы его сожрала та тварь, чем вот так обесцелить!

Тут же перед глазами опять возник образ зубастой всепоглощающей пасти, и Бэла передернуло. Нет, не лучше! Не хочу! Хочу разобраться, познать. Снова найти твердую землю под ногами. Понять, какой же я все-таки на самом деле. Что со мной не так, если пришлось столкнуться с подобной тварью. Ведь даже для Ветлы это нападение оказалось неожиданным.

Ветла! Ну вот, опять двадцать пять, погрузившись в самобичевание и душевное терзание, совершенно не подумал, что с ней. А вдруг, пока я здесь пытаюсь себе соплю вытереть, она там умирает?

Он без колебаний, решительно зашел в дом.

* * *

Ветла лежала свернувшись калачиком, в ногах примостилась Пуля, которая тут же подняла голову и посмотрела на Бэла. Он спросил ее вслух, словно ожидая, что собака ответит ему человеческим голосом:

— Как она?

Но Пуля лишь опустила голову на лапы, не спуская с него взгляд. Бэл усмехнулся. Поверишь тут в разные чудеса. Подошел к дивану в надежде, что за время, пока его не было, Ветле стало лучше, но ей было явно хуже. Растрепанные волосы намокли от струек пота, одна из прядок прилипла к виску, на котором вдруг отчетливо проступил старый шрам.

Он потрогал лоб и удивленно отдернул руку. По его разумению, температура была запредельная, но пот был холодный, болезненный. Ветла никак не отреагировала на его прикосновение. Она была без сознания. Бэл стоял, в ступоре глядя на кривой шрам, след какой-то давней переделки, и не знал, что делать. Внутри что-то подсказало: надо собрать вещи и уходить. Он ничего не понимал в этих потусторонних делах и, значит, мог выйти из игры в любой момент. Ведь Ветла сама ему сказала, что если его накроет истерика, то на этом будет все завершено. И он был готов признать, что данное состояние бродит рядом. Гнусный голос призывал его бежать из этого дома, выбросив из головы все увиденное. Однако правую руку вновь стал накрывать холод. Он подошел к двери, постоял и рывком сняв ветровку, повесил ее у входа.

* * *

В следующие три дня Бэл превратился в мать Терезу. Он крутился по дому, как добрая хозяйка, в бесконечных заботах, все время что-то делая, лишь бы не ощущать, как тянутся часы ожидания и надежды на улучшение состояния Ветлы, с удивлением понимая, что не может позволить себе уснуть. Бэл готовил еду для собаки и себя, заваривал настой из растущего кругом лабазника и пытался поить девушку. Иногда читал книги, наугад вытаскивая их из стеллажей, но это плохо получалось. Ходил до колодца и то обтирал лицо Ветлы ледяной водой, снимая жар, то укрывал одеялами, когда ее начинала бить дрожь. Периодически накатывала непонятная тревога, тогда он садился рядом с девушкой и смотрел, как она неровно дышит, и это, на удивление, успокаивало его, и мутор-

ное состояние проходило. Пару раз он выходил прогуляться, но быстро понял, что не в силах отвлечься, а стремится вновь вернуться в дом, боясь, что, пока его нет, с Ветлой может что-нибудь случиться.

Его не покидали постоянно чем-то тревожащие мысли.

Часто он возвращался к воспоминаниям о матери, отце, сестре. Вот ведь, он действительно всю сознательную молодость боролся с сестрой и бессознательно обижал мать. А за что? За то, что отец был недоступен ему? Но ведь не мать выгнала отца — тот сам потянулся за неясным зовом красивой жизни и новой любви. Почему же ему было проще обидеться на самых близких, на тех, кто любил его, несмотря ни на что? В чем он эгоистично обвинял мать? В том, что устав ждать и страдать, она допустила в свою жизнь другого мужчину. А сестренка доверчиво потянулась к тому в поисках отцовской любви. А что ей оставалось делать, ведь отцу было некогда. Он покорял речные просторы и местных красоток. Да и его, Бэла, слепая любовь к отцу тоже была, оказывается, замешана на обидах, злости и ревности.

Что же получалось? Он сам со временем стал походить на отца в попытке оправдать его, реабилитировать, прежде всего, пред собой, разрушая, так же, как он, уже свою жизнь. Зачем? Он — не отец, он не хочет прожить его судьбу!.. И на этом ему стало совсем невыносимо, заломило, загло в груди, наполняя горечью душу — вспомнились Улька и сын. Что ему ставила в вину жена? Да то же, что и мать отцу. Что его никогда нет рядом — ни телом, ни душой. Он постоянно где-то, уходит от семьи, скрываясь за фразами о служении Родине и спецназу.

Ему казалось, что иначе и быть не могло, ведь он не изменял своей женщине... Но и не любил ее. За какой иллюзией он гонялся? Ведь точно помнил, как неоднократно ощущал уколы зависти, глядя на Варвару и Славку. Почему-то казалось, что у них что-то особенное, но эта семейная идиллия и взаимопонимание не для него. Почему? Ульяна долгие годы любила его, пытаясь услышать, почувствовать подтверждение взаимности. А в ответ он с каким-то садистским удовольствием дразнил ее, не подтверждая, но и не отрицая своих чувств. А Вениамин! Ведь ему нужно было простое внимание отца. Сын долго тянулся к нему, а Бэл лишь обещал, но вновь и вновь скрывался в многочисленных командировках. Зачем? Ведь не война тянула его. Даже не, как это принято считать, адресалин. Да и не стремление всецело служить.

Ответ поразил его — он искал конец этой разборки между близкими людьми. Не мог он дать сыну и жене того, чего не видел, чему не научился у отца. Собственная смерть была лишь попыткой побега от несуразной действительности, которую он сам же создал, и, конечно же, наказанием для стареющего отца. Все это пласт за пластом вскрывалось с неожиданной четкостью и ясностью, и беспощадностью сейчас в небольшом лесном домике егеря. Шквал непрожитых, задавленных когда-то эмоций калейдоскопом сменяли друг друга. Он рассыпался в них разбитым вдребезги зеркалом, но упорно старался соединить эти осколки, словно пытался заново собрать себя истинного...

Ночью, на исходе третьих суток, Бэл, совершенно обессиленный, был уже готов провалиться в полусон-полузабытье, когда его вдруг пронзило ощущение, что Ветла умерла. Вздрыгнув, он подскочил, уронив стул, рванул к дивану и облегченно выдохнул, когда увидел, что девушка жива. Наоборот, было видно, что кризис миновал и ей стало лучше. Дыхание выровнялось. Лицо разгладилось. С него пропала печать боли. И он поймал себя на том, что любит ее. Впервые за несколько дней Бэл стоял и

улыбался с радостью, с облегчением, с явным ощущением счастья, невзирая на собственную усталость. Наверное, подобное состояние испытывает родитель, глядя на выздоравливающего ребенка. Бэл даже не помнил этого ощущения в отношении собственного сына, так как он никогда не был рядом с ним во времена его болезней.

* * *

Они сидели у горящего камина, пили горячий чай и молча смотрели на пляшущие языки пламени. Пуля блаженно развалилась в ногах хозяйки и дремала. Ветла хоть и была еще слаба, но уже успела послать Бэла к черту, когда тот попытался покормить ее с ложки собственноручно приготовленной кашей. «Умиротворение» — так определил это состояние он, а Ветла наконец-то нарушила молчание:

— Ну что, все грехи и пороки в себе нашел?

— Не знаю насчет всех, но многие, — вздохнул он.

— В итоге, какой из тебя человек получается — плохой или хороший?

Бэл посмотрел на огонь и, вздохнув, ответил:

— Дрянной.

Девушка усмехнулась:

— Лихо ты себя из крайности в крайность переносишь. Давай разбираться. Служишь ты своей Родине честно. Другей не предавал. Слабым помогал. От трудностей не бегал. По головам не шел. Над людьми не глумился. Так?

— Так. Да только, с другой стороны, вон как выходило: самых близких любовью обделил. За имиджем гонялся, за славой, признанием. Подвал тот, с девчонками, тоже иногда вспоминаю. Варя сказала, что восхищалась нашей стойкостью и мужеством, а ведь я тогда от этой находки бежать был готов без оглядки, но Славка остановил, сказав «будем хоронить». А я об этом даже не подумал, мысли такой не проскользнуло. Такое отвращение, омерзение накрыло меня от увиденного. Несколько раз тошнота подкатывала, утирался рукавом и удивленно смотрел на друга. Валдай казался мне высеченным из стали, ни один мускул на лице не дрогнул. Я же как будто ломал себя в этом проклятом подвале.

— Не себя ты ломал. А слабость свою. Суть не в том, что готов был сделать, а в том, что в итоге сделал. Ведь мог уйти, но остался помогать.

— Как это — уйти? Не мог я друга одного оставить! Вдруг бы эти шакалы вернулись!

— Вот видишь, тебе даже мысль такая претит. Так за что себя вины — за чужое зло?

— Так зла и своего хватает.

— Незлых воинов не бывает! Но вы никогда не были такими, как те. Понимаешь разницу?

— Понимаю, — в душе проснулась теплая надежда, но он тут же осекся. — А Маринка? Ведь виноват я перед ней! Сильно виноват. Себя потешил, а она жизни лишилась. Глупо.

— Пути Господни неисповедимы. Она сделала в своей жизни то, что должна была.

— Ветла, а что это было там, в Зоне? Это ведь не Маринка?

— Нет, конечно. Это... Как объяснить... Наслышана была о таком, но встретила впервые. Беспочвенные стенания, грехи, уныние, а еще легкомысленное призывание смерти порождают вот такую энергетическую

сущность, которая в итоге пожирает своего же хозяина и забирает его душу. После этого она становится свободна и открывает охоту на души других людей, кто, сам того не осознавая, призывает ее к себе. Поэтому хочешь, Черной сущностью назови, хочешь бесами, Тенью или Тьмой.

Бэл чуть помедлил и спросил о том, что больше всего терзало его:
— Она могла тебя убить?

Ветла неосознанно провела рукой по месту, где была невидимая рана.

— Могла. И меня, и тебя. Ты уже был в ее власти. Она находилась в шаге от долгожданного приза. Сущность не прощает вмешательства, а победить ее сложно, почти невозможно, ведь в людях очень много всего намешано, в том числе и плохого, а это, считай, часть Темноты. Самое удивительное, что какой бы сильной она ни была, но Пулю победить не смогла. Наверное, из-за того, что собаки преданно и безоглядно любят людей.

— А как же Валдай, почему он Сущность не встретил? По поиску смерти мы с ним схожи были.

— Нет. Он силы преодолеть выпавшее ему испытание найти не мог, так как завяз в обвинении себя в смерти друга. Ты же просто жалеть себя стал, а не разбираться, что происходит. Жалость к себе да уныние — как ароматные приманки для Черной сущности. Она их словно угли раздувать начинает, в итоге человека на грех толкает. Вот и ты поддался. В бой шел не за победой, как положено воину, а на самоубийство. Чтобы не решать то, что можно решить, исправить, изменить, а красиво уйти, оставив всем чувство вины за то, что не оценили, недолюбили, променяли. Ты же всех этим хотел наказать, так?

Бэл лишь утвердительно качнул головой, пытаясь подавить возникший так некстати ком в горле.

— У тебя выход есть. Перестань жить чужую жизнь. Тебе не давал покоя поступок отца, так просто прими его, а потом прости.

— Что я должен принять? — вскинулся он.

— Что иногда люди поступают так, как поступают, даже самые близкие и любимые. Потому что они просто люди. Гоняются за призрачными идеями, совершают глупые или плохие поступки. А потом расплачиваются за них.

— Так просто?

— Да! Только понять это надо душой и простить отца от сердца, а не умом. Он и так сожалеет сейчас о своих решениях. А у тебя есть выбор, общаться с ним или нет, но без злости и обиды.

— Сказать легко, но почувствовать сложно.

— Не так уж и сложно, если не цепляться за негатив. Посмотри в себя, а разве он остался в тебе?

И Бэл, на минуту задумавшись, отрицательно качнул головой, удивленно посмотрев на девушку.

— Нет, но как это?..

* * *

А ночью Бэлу приснился сон. Он стоял на вершине высокого курящегося вулкана, с которого открывался вид на бескрайнюю, изумительную, нехоженую Камчатку. Вдали, играя бликами, уходил в горизонт Тихий океан. Лес зеленым сочным покрывалом укутывал близлежащие сопки. Местами на склоне белел голубоватый искристый снег. Он даже смог

разглядеть гуляющего по открытой поляне медведя, который деловито обжевывал ягоды с низкорослых кустарников. Солнце ласкало лучами весь этот удивительный простор, высвечивая диковинную, восхитительную, чудную жизнь. И Бэл с необычайным удовольствием вдохнул полную грудь звенящего хрустального воздуха, всем существом своим ощущая, как это прекрасно — просто жить! Мимо, раскинув крылья и скользя по воздушным потокам, пролетел огромный иссиня-смоляной ворон, глянув на него черными бусинками глаз. Бэл проводил его взглядом, любуясь плавными, немного ленивыми движениями птицы.

И тут вдруг услышал детский всхлип. Этот звук настолько не вязался с волшебной чарующей картиной окружающего мира, что Бэл резко обернулся и застыл от неожиданности. Невдалеке на скамье сидел маленький зареванный мальчик, а Ветла ему что-то терпеливо объясняла. Он доверчиво слушал ее и в итоге, заулыбавшись, согласно кивнул. Она погладила его по голове, а мальчуган, вскочив, принялся обнимать девушку. Бэл стоял в сторонке, наблюдая за ними. Ему было радостно и немного грустно. Ветла опять что-то сказала ребенку, и мальчишка рывком обернулся, увидел его и с криком «Папа!» рванулся к нему, широко раскинув руки. А Бэл, ничуть не удивившись метаморфозе, ринулся навстречу, подхватил сына и закружил, смеясь и целуя. Затем прижал Веньку к себе, с замиранием сердца ощутив тепло худенького прильнувшего тельца.

Бэл обернулся к Ветле, но на ее месте стояла Маринка и, улыбаясь, смотрела на них. Он хотел что-то ей сказать, крикнуть, поблагодарить, но слова застряли в горле, а она кивнула, будто без слов прощая его, и, развернувшись, пошла по солнечной дорожке в дымку кучевых облаков, которые сказочными валунами зацепились за вершину самого красивого места на земле. Бэл стоял счастливый, смотрел ей вслед, все так же держа сынишку на руках, а тот вдруг ткнулся ему в щеку и шепнул: «Папка, возвращайся!»

